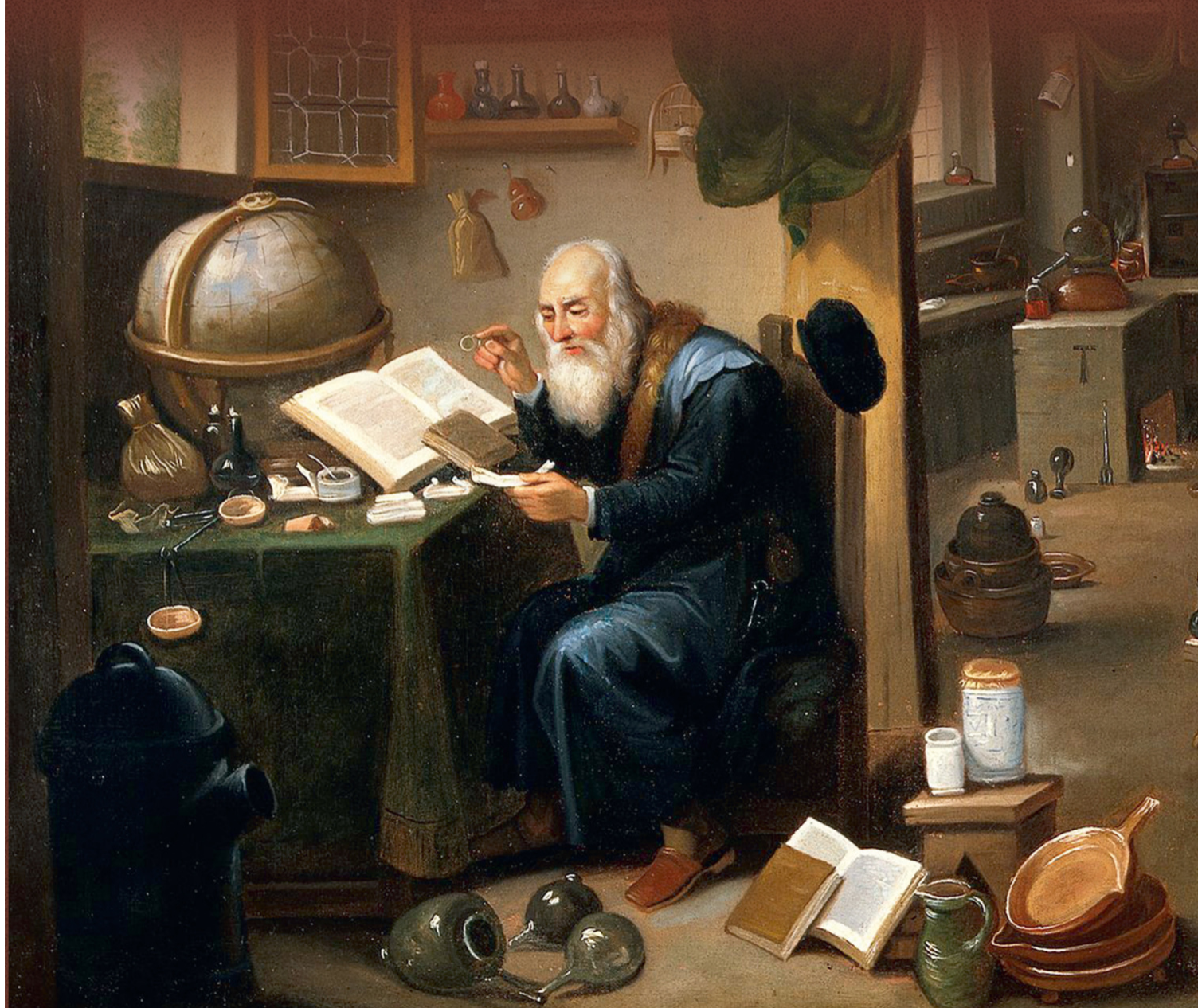

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

ТАЙНА РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

Исторические приключения (Вече)

Виталий Гладкий

Тайна розенкрейцеров

«ВЕЧЕ»

2020

Гладкий В. Д.

Тайна розенкрейцеров / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8500-8

Увлечённые археологи, отец и сын Тихомировы, уже знакомые читателю по книге «Хрустальный череп атлантов», снова отправляются на поиски древних артефактов, но на этот раз придётся иметь дело не с произведением атлантов, а с наследием тайного общества розенкрейцеров. Артефакты, спрятанные где-то на юге России в месте под названием «Три могилы», могут многое изменить и не только в жизни героев романа...

ISBN 978-5-4484-8500-8

© Гладкий В. Д., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1. Таинственный иностранец	8
Глава 2. Генерал ордена иезуитов	19
Глава 3. Стах	25
Глава 4. Три могилы	34
Отступление 1. Крест и роза	40
Глава 5. Грабители	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виталий Гладкий

Тайна розенкрейцеров

© Гладкий В.Д., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Вместо пролога

Минутная стрелка часов словно приклеилась к циферблату. Она с непонятным и пугающим упрямством не хотела преодолеть последние миллиметры окружности, чтобы часы пробили полночь. Тишина в спальне стала свинцово-тяжелой и почти осязаемой.

Глеб смотрел на часы, не отрываясь. В спальне горел лишь слабый ночник, который не высвечивал мелкие детали интерьера, и большой белый циферблат, потеряв в полумраке футляр, маятник и гири, висел в пространстве, как летающая «тарелка» инопланетян.

Часы были старинные, с боем и в футляре из красного дерева, украшенном резными финтифлюшками. Они достались его семейству в наследство от прадеда. Глеб перенес их в спальню по одной-единственной причине – они громко сообщали ему, когда наступит *время*.

Он боялся этого момента. Очень боялся. И в то же время с болезненным нетерпением ждал, когда *оно* появится. Но когда точно это случится, Глеб не знал.

Чаще всего *оно* овладевало его душой и телом ровно в полночь. Первое время Глеб испытывал панический страх (нет, даже не страх, а ужас), и чтобы хоть как-то заглушить его, он напивался до положения риз. Но едва последний звук двенадцатого удара молоточком по бронзовому диску растворялся в ночи, как Глеб становился совершенно трезвым.

И начиналось...

Сегодня Глеб решился на крайнее средство. Он приковал себя железной цепью с замком к собственной кровати.

Кровать ему сделали по специальному заказу. На ее изготовление пошло почти двести килограммов металла. Она была привинчена к полу и могла выдержать любые мыслимые и немыслимые нагрузки.

Чтобы ни у соседей, ни у разных сверх всякой меры любопытных граждан не возникло никаких вопросов, детали железного монстра под названием «кровать» Глеб заказывал в разных мастерских, а сборку произвел сам.

Но соседка из квартиры напротив, вредная и вездесущая старуха Пестржецкая, все равно что-то заподозрила. Наверное, подсмотрела, как нанятые Глебом грузчики, согнувшись в три погибели, тащили тяжелые железяки.

Пестржецкая следила за ним, как кот за мышью. Закрывая квартиру, Глеб кожей ощущал ее взгляд, пронзающий его, словно лазерный луч, выпущенный излучателем, замаскированным под дверной глазок.

Когда он выходил во двор, Пестржецкая занимала пост у кухонного окна, даже если это было в шесть утра. Спрятавшись за портьеру или за горшок с геранью, она держала его в своем поле зрения, как снайпер на прицеле. У Глеба даже уши чесались от ее прилипчивых взглядов.

Глеба так и подмывало выкинуть какой-нибудь номер; например, снять штаны и продемонстрировать вредной старухе стриптиз прямо на тротуаре. Но он сдерживал свои порывы и ровной беззаботной походкой шел в сторону трамвайной остановки.

«Мне только и не хватало, чтобы эта старая гримза позвонила в милицию или ФСБ», – думал встревоженный Глеб. Люди напуганы террористическими актами в столице, поэтому горожане, особенно старики, большей частью бывшие партийные функционеры, завалили правоохранительные органы заявлениями, в которых изобличали в разных грехах всех подряд, а чаще всего – соседей.

Не без усилия оторвав взгляд от циферблата, Глеб посмотрел на замок, с помощью которого замыкались кандалы. Это было его личное ноу-хау в виде прочного металлического корпуса (размером с брусок хозяйственного мыла) с электронной начинкой, скрепляющего два конца цепи толстыми штырями.

Главной изюминкой замка было запирающее устройство. Оно реагировало только на голос Глеба, который, чтобы освободиться от оков, должен был сказать кодовое слово – пароль.

Глеб боялся, что, если *оно* все-таки придет, ему не выдержать испытания, и при наличии обычного ключа он откроет замок. В то же время Глеб точно знал – когда *оно* овладеет им всецело, все мысли и воспоминания мгновенно испарятся из его памяти, которая превратится в чистый, без единой пометки, бумажный лист.

А значит, пароль он не должен бы вспомнить...

Первый удар часов обрушился на его голову как молот. Так было всегда. Казалось, что внутри черепной коробки взорвалась мина, и ее осколки застучали по серебряным колокольчикам. Это было очень неприятно и даже больно, потому Глеб не выдержал и застонал.

«Господи, за что?!» – взмолился он, пытаясь удержать в фокусе куда-то ускользающее нормальное сознание. Но тщетно: мысли начали путаться, часы били без остановки, мерно и неукротимо, и Глеб вдруг ощутил себя в космической пустоте.

Это было странное чувство. В одно и то же время он летел и падал. Полет вызывал эйфорию, а падение – дикий, первобытный ужас.

Глеб закричал и заворочался на своем железном ложе, пытаясь избежать зоны притяжения какой-то неведомой, пугающей субстанции, постепенно обретающей очертания. Затем превращение совершилось, и он начал рваться из железных оков, как зверь, попавший в капкан.

А потом Глеб потерял сознание от шока, который нередко испытывают пойманные животные...

Глава 1. Таинственный иностранец

Голос отца вырвал Глеба из сладких объятий предутренних сновидений, и он с трудом поднял непослушные веки.

– Вставай, лежебока! – Отец пощекотал ему голые пятки. – Удачу проспишь.

– Что, уже пора? – подхватился Глеб.

Он бросил взгляд на вызолоченное первыми солнечными лучами окно. Рассвет сочился сквозь запотевшие окна медовыми каплями, над городом кружила белая душистая метель отцветающих садов.

– Пора, сынок, пора. Разомнись маленько, прими душ и садись завтракать. Поторопись – через час электричка...

До цели своего путешествия они добирались почти целый день: три часа электричкой, полтора – автобусом, еще два – на попутной телеге, а потом на своих двоих. Идти было нелегко – у каждого за плечами находился рюкзак весом не менее тридцати килограммов.

Антон шел и мысленно сожалел, что отцу не удалось договориться с возницей – чтобы тот подбросил их к тому месту, где они намеревались заняться раскопками.

Едва возница, невысокий, худосочный мужичок в годах, давно небритый, в стеганой фуфайке и войлочных ботинках, именуемых в народе «прощай молодость», услышал название местности, его будто током ударило.

– Тпру! – Мужичок резко натянул вожжи. – Все, хлопцы, – слазьте. Нам не по пути.

– Почему? – удивился отец. – Ты ведь обещал довезти нас до Михайловки.

– Мало ли чего я обещал... – буркнул мужичок.

– Я готов заплатить больше.

– Оставь деньги себе, – неприязненно ответил возница. – Я не возьму от вас ни копейки.

Слазьте!

– Что ж, хозяин – барин...

Отец соскочил с телеги.

– Спасибо тебе, добрый человек, – сказал он, улыбаясь.

– За что? – с недоумением спросил мужичок.

Видимо, его удивила библейская покорность отца, который, вопреки ожиданиям возницы, совсем не разозлился. Мало того – отец добродушно улыбался, словно мужичок сказал ему что-то приятное.

– За заботу, – туманно ответил отец. – Бывай...

Он решительно сошел с дороги на неприметную тропинку, которая уводила в лес. Глеб понял, что отец надумал идти напрямик. Этот маршрут они наметили еще дома. На всякий случай.

В своих исканиях они обычно старались избегать обжитых мест и любопытных глаз. А эта дорога до Трех Могил – конечной цели их тайной и не вполне законной экспедиции – как раз и вела через давно брошенные колхозные поля, заросшие бурьяном, и лесные заросли, где сам черт ногу сломит.

Отец не открылся вознице, что они держат курс на Три Могилы. Он попросил его лишь подбросить их к реке – они якобы хотели порыбачить.

Однако мужичка обмануть не удалось. Наверное, ему уже приходилось встречать кладоискателей. Район Трех Могил издавна привлекал внимание любителей поковыряться в земле.

Местные не любили «гробкопателей» и считали их большими грешниками. К тому же от самодельных археологов, которые не признавали никакую власть, было слишком много хлопот. Нередко они выясняли отношения с помощью ножей и винтовок, а потому окрестности Трех Могил были густо окроплены кровью.

Но то происходило в дореволюционные времена и самую малость в Гражданскую войну. Жесткие – даже жестокие – законы большевиков по отношению к неуправляемой вольнице кладоискателей надолго отбили у них охоту соваться к Трех Могилам, где, по поверью, хранились несметные сокровища.

Официальная археология тоже не испытывала особого рвения к исследованию древних захоронений, расположенных в районе Трех Могил. Причина простая – ученые, занимающиеся раскопками в тех местах, почему-то умирали. А когда однажды, в семьдесят шестом году, бесследно исчезла целая полевая экспедиция, напуганные ученые мужи из Академии наук вообще наложили «табу» на исследование Трех Могил.

Впрочем, и рядовые археологи-энтузиасты не горели желанием испытать судьбу и свой фарт в этой местности.

Перестройка и всеобщее обнищание открыли новую страницу в раскопках Трех Могил. Отчаявшийся народ, махнув рукой на страшные байки и свои резко обесценившиеся жизни, перепахал все, что только можно было. Но это все были люди пришлые, неместные.

Увы, добыча новоявленных кладоискателей-дилетантов была весьма скудной – в основном черепки, статуэтки из обожженной глины, неплохо сохранившиеся берестяные грамоты, бусы, перстни-печатки и немного других серебряных изделий, представляющих ценность лишь для специалистов.

И удивительное дело – «нечистая сила», обитавшая в районе Трех Могил с древних времен, куда-то исчезла. Наверное, испугалась новоиспеченных «демократов» – голодных, злых и способных безбоязненно раскопать даже вход в преисподнюю.

А может, просто пожалела несчастных, которые взялись за лопаты от полной безысходности...

Но, как бы там ни было, а разные неприятности с кладоискателями прекратились. Не было даже споров о разделе территории раскопок – в районе Трех Могил места хватало всем.

Тем более, что никто точно не знал, где копать. Все надеялись на удачу.

К концу столетия активность кладоискателей возле Трех Могил упала почти до нуля. Авантюрный народ разуверился в своих надеждах и переметнулся в Крым. Там было где развернуться при полной бесконтрольности и слабости местных властей.

Ценности скифов и сарматов во время раскопок древних захоронений встречались сплошь и рядом, и на них был устойчивый спрос – как за рубежом, так и на внутреннем рынке. Кое-кто даже сумел составить себе состояние на этом деле.

Но отец Глеба не поддался соблазну быстро разбогатеть. Ему это и не нужно было. Семья Глеба всегда жила в достатке.

Дело в том, что и его прадед, и дед, и отец были потомственными кладоискателями. Традиция существовала в семье с очень давних пор. Поэтому в их семье деньги водились всегда. (Нужно отметить, что весь клан Тихомировых-кладоискателей, к которому принадлежал и отец Глеба, был очень удачлив.)

В семье бытовало предание, как их прапрадед, Савва Тихомиров, всеми правдами и неправдами напросился сопровождать какого-то царского сановника в Египет. Это предприятие влетело прапрадеду в копеечку, но дело стоило того.

Пока сановный посланник решал государственные дела, казак Савва умудрился втихомолку раскопать захоронение знатного вельможи, возможно даже, приближенного египетского фараона Аменхотепа, и найти в нем свыше двух пудов золотых и украшенных эмалью серебряных изделий большой исторической ценности.

Вывезти добычу в Россию не составило большого труда – посольский корабль таможенники досматривать не имели права. Но вместе со всеми сойти по трапу в порту Одессы Савва побоялся, а потому покинул своего патрона ночью, едва корабль оказался в территориальных водах России.

Для этого ему пришлось подкупить вахтенных матросов и умыкнуть шлюпку. Когда сановник поинтересовался, куда девался симпатичный здоровяк из охраны, его с должной в таких случаях скорбью проинформировали, что Савва утонул, приняв на грудь от радостного предвкушения встречи с родиной больше, чем следовало.

Здесь следует сказать, что к известности, а тем более к славе Тихомировы никогда не стремились. Возможно, по причине своей фамилии, которая когда-то была прозвищем.

А ведь прозвища зря не дают. Чаще всего они отражают род занятий человека или его характер.

Поэтому свои «подвиги» на ниве кладоискательства клан Тихомировых обнародовать не спешил. Не демонстрировал он и свое благосостояние. Лишь очень немногим, в основном весьма состоятельным, коллекционерам старины было известно о существовании этого неиссякаемого источника древних раритетов.

Но этот мирок был настолько узок и закрыт от посторонних глаз, что о нем почти ничего не знали даже вездесущие сотрудники НКВД. Коллекционеры всегда были отличными конспираторами.

Однако главным было другое – всех Тихомировых мало волновали деньги. Они были фанатами подпольной археологии и кладоискательства. Любой успех на этом поприще прежде всего интересовал их как приз в соревновании собственных амбиций, растянувшимся на века.

Три войны – империалистическая четырнадцатого года, Гражданская и Великая Отечественная – прошли по клану Тихомировых, как косой. В конце концов остались лишь дальние родственники на Украине и дед Данила, который и передал свое ремесло отцу Глеба, Николаю Даниловичу.

– Устал? – заботливо спросил отец.

Они как раз забрались на поросший молодым лесом бугор с лысой макушкой, и глубоко втягивали в себя воздух, чтобы восстановить дыхание.

– Есть маленько, – вынужден был сознаться Глеб.

– Тогда привал. Заодно и перекусим...

Глебу было немного стыдно, что отец оказался выносливей его. Ему временами казалось, что батя выкован из стали.

Впрочем, объяснение этого факта лежало, что называется, на поверхности. Каждый день отец, где бы он ни находился, делал получасовую зарядку, которая заканчивалась бегом. В свои сорок пять лет Николай Данилович мог дать фору даже молодому спортсмену-разряднику.

К такому образу жизни он приучал и сына. Правда, утренняя зарядка для Глеба, который любил подольше поспать, была сущим наказанием, и он уваливал от занятий физкультурой как только мог.

Но в этом вопросе отец был неумолим.

– Когда-нибудь скажешь мне спасибо, что я гоняю тебя до седьмого пота, – говорил, посмеиваясь, Николай Данилович. – Знаешь, что наиглавнейшее в нашей профессии? Понятное дело, за исключением фарта. Запомни, сынок: главное в нашем деле – крепкие мышцы и быстрые ноги. От способности вовремя дать стрекача напрямую зависит продолжительность существования кладоискателя в этом мире.

– А зачем нам все это? Мы ведь не доедаем последний кусок хлеба без соли. Разве тебе не хочется пожить спокойно? – с подковыркой спросил Глеб.

– Выучил умника на свою голову... – Николай Данилович отвесил Глебу легкий подзатыльник. – Желаеться окончательно перейти на государственные хлеба и работать по специальности?

– Батя! – с деланным ужасом воскликнул Глеб. – Постучи по дереву! Я хочу оставаться твоим рабом до скончания века, несмотря на тяжкий, непосильный труд. – Он показал свои мозолистые ладони.

Сын и отец с любовью посмотрели друг другу в глаза и весело расхохотались...

По настоянию родителей Глеб окончил институт и стал дипломированным археологом. «Нужная специальность в нашем деле, – решительно сказал отец, когда Глеб после окончания школы встал перед нелегким для юноши выбором, куда пойти учиться. – Будешь у меня научным консультантом».

Отец приbedнялся. Это Глеб понял лишь тогда, когда оставил за плечами пять лет, потраченных на получение высшего образования.

Николай Данилович был настолько подкован в истории Древнего мира и Средневековья, а также в практической археологии, что ему впору было читать лекции в институте или писать научные трактаты.

С бугра, где расположились кладоискатели, открывался великолепный вид. Обширная низменность заросла лесом, разрезанным на куски тонкими серебряными прожилками ручьев и речушек. Там и сям виднелись невысокие, зализанные временем, холмы; лишь некоторые имели обрывистые склоны, большей частью глинистые.

Но глаза Николая Даниловича и Глеба приковала возвышенность, которая резко отличалась от окружающего ее ландшафта. Ее обрывы были самыми настоящими скалами, а верхушку словно срезало гигантским ножом.

Возвышенность и была тем местом, куда держали курс отец с сыном. Свое название Три Могилы она получила благодаря трем высоким курганам искусственного происхождения, насыпанным на самом ее верху.

Как оказалось, они и впрямь были могилами, но кто в них покоился, про то история умалчивает. Курганы перекопали вдоль и поперек еще в незапамятные времена.

Поэтому на долю современных грабителей могил достались лишь мелкие фрагменты керамической посуды и разный строительный мусор.

– А если сведения неверны? – стряхнув задумчивость, спросил Глеб. – Вдруг это чья-нибудь жестокая шутка?

– В этом и заключается вечный кайф нашей профессии, – улыбнулся отец. – Рулетка. То ли будет, то ли нет. Иногда ищешь одно, а находишь совсем другое. Это в лучшем случае. А в худшем...

Он потрепал Глеба по плечу.

– В худшем случае хорошо отдохнешь на природе, закалишься физически и зарядишься энергией для будущих поисков.

– Думаешь, клад находится в одном из курганов? – с сомнением спросил Глеб.

– Вряд ли. Курганы насыпаны гораздо раньше. В описании, приложенном к плану, есть намеки, что внутри возвышенности имеются пещеры или какие-то пустоты. Не знаю, естественного они происхождения или рукотворные, но я бы спрятал клад в подземном лабиринте. Это идеальный вариант для тайника. Весь мой предыдущий опыт обеими руками голосует именно за такое предположение.

– Но на плане пещеры не отмечены.

– Этот план – сплошная головоломка. На нем столько всего наверхено, что голова кругом идет. Скорее всего, объяснения разнообразных обозначений, геометрических рисунков и фигур животных заключены в зашифрованной части текста. Увы, шифр оказался нам не по зубам. Конечно, у нас было мало времени, чтобы заняться им капитально, но мне кажется, он весьма сложный и нестандартный для тех времен.

– Насчет большой сложности шифра можно поспорить. Да, мы не смогли подобрать к нему ключ. Но нам все-таки удалось выяснить, что похожими шифрами пользовались иезу-

иты еще во времена Игнатия Лойолы¹. И все же я уверен, что план составлен как минимум на два столетия позже.

– Пергамент, на котором нарисован план, старинный. Надеюсь, этот факт ты не будешь отрицать?

– Не буду. Но мою версию подтверждает начертание букв. Скорее всего, пергамент использовали, предварительно соскоблив прежний текст. В истории таких примеров не счесть. Тому, кто составлял план, понадобился материал прочный, долговечный и гибкий – например, чтобы его можно было носить, зашив в одежду. А что может быть лучше пергамента?

– А другой вариант ты не рассматриваешь?

– Какой?

– У составителя плана просто не было под рукой другого материала.

– Возможно. Ты намекаешь, что в то время бумага стоила гораздо дороже, нежели кусок вычищенной телячьей кожи, и была большим дефицитом?

– Это я и хочу сказать.

– Позволь возразить. Очень стойкие чернила, которые были использованы составителем плана, даже в старые времена считались «царскими». Так что их цена не шла ни в какое сравнение со стоимостью листка бумаги, пусть и самого хорошего качества.

– Значит, версию «Монах» ты по-прежнему считаешь главной...

– Да. Только у монаха была возможность умыкнуть старинный пергамент для своих целей, только монастырские переписчики и иже с ними имели возможность пользоваться «царскими» чернилами из-за их дороговизны.

– Ты забываешь о дворянах и придворных.

– В те времена их грамотность оставляла желать лучшего. И уж тем более они не отличались большими успехами в каллиграфии. А на плане текст написан, как напечатан, – ни единой помарки, очень опытной, уверенной рукой...

Такие разговоры они вели уже в течение двух месяцев. Темы их бесед не отличались ни новизной, ни оригинальностью и почти всегда сводились к обсуждению предстоящей экспедиции и плана, который попал им в руки совершенно случайно.

«Указующий перст судьбы», – прокомментировал Николай Данилович находку, когда они разобрались, какая местность была изображена на плане.

Но странное дело – большой радости в его голосе почему-то не чувствовалось...

А начиналось все так. Чтобы чем-то себя занять в перерывах между работами «в поле», когда Глеб с отцом искали очередной клад или какое-нибудь древнее захоронение, юноша нанимался в зимний период на временную работу в историко-архитектурный комплекс-заповедник в качестве экскурсовода.

Старый монастырь (которым даже церковь почему-то не интересовалась) и развалины средневековой крепости, а также окружающую их местность заповедником можно было назвать лишь с известной натяжкой.

Все постройки были разломаны и загажены еще при советской власти, на восстановление денег никто не давал ни тогда, ни сейчас, и все хозяйство держалось на плаву лишь благодаря небольшой кучке энтузиастов, которой за три года с большими трудами удалось привести комплекс в более-менее приличное состояние.

Но самое удивительное – несмотря на совершенно непрезентабельный вид и отдаленность от культурных центров, монастырь отсутствием экскурсантов не страдал.

Великое дело – народная молва. Кто-то когда-то распустил слух, что в монастыре есть целебный источник, излечивающий от многих болезней и дарующий молодость и силу.

¹ Игнатий Лойола (1491–1556) – основатель монашеского ордена иезуитов.

И народ, брошенный на произвол судьбы своими правителями, поверил в это утверждение и валом повалил за чудесами.

Конечно, все это было, по глубокому убеждению Глеба, абсолютной чушью, но факт оставался фактом – обширный монастырский двор почти никогда не пустовал.

Источник в монастыре и впрямь имелся в наличии. Притом весьма необычный. Вода в нем всегда была кристально чистой и удивительно холодной. Однако людей поражало и приводило в священный трепет другое.

Источник был обложен диким камнем и представлял собой очень глубокий колодец. Но уровень воды в нем не был постоянным, а то поднимался до самой поверхности, то опускался. Создавалось впечатление, что где-то под землей бесшумно работает гигантский насос с поршнем, который выдавливал воду наверх.

Колебания уровня были ритмичными и достаточно быстрыми – вода поднималась и опускалась в течение двадцати-тридцати минут. Мало того, она имела еще и разный вкус. Зачерпнутая в нижней точке вода была самой обычной, только холодной, а когда ее выдавливало наверх, она вдруг приобретала свойства газировки и становилась солоноватой.

Глебу вода нравилась и он пил ее с удовольствием, однако в чудесные свойства источника юноша не верил. Он не исключал, что вода имеет лечебные свойства, так как неподалеку находился известный во всем мире курорт с минеральными источниками, но не более того.

Что касается самого монастыря, то вот он как раз и был самой настоящей тайной. В этом Глеб убедился, когда начал копаться в монастырской библиотеке, представляющей собой склад разного барахла и сваленных как попало книг.

Собственно говоря, ради нее он и согласился поработать экскурсоводом, потому что, во-первых, обладал необходимым образованием и знаниями, а во-вторых, его совершенно не волновала мизерная зарплата.

Глеба интересовали клады, которые могли быть спрятаны или в монастыре, или в развалинах замка. Но он прошел слишком хорошую школу, чтобы делать все на хапок – как Бог на душу положит. Любой экспедиции Тихомировых всегда предшествовала кропотливая подготовка, работа с архивами и предварительная разведка на местности.

Поэтому, отработав положенное время дня в качестве экскурсовода, Глеб занимался исследованием развалин, пытаясь отыскать вход в подземелье (его так и не нашли, но это не значило, что под монастырем и замком нет подземных галерей и тайных переходов) или закрылся в книгохранилище и копался там, как на книжном развале.

А покопаться было в чем. Главная интрига заключалась в том, что библиотеку нашли совсем недавно, два года назад, когда занимались уборкой монастырских помещений.

Кто-то из энтузиастов заметил под обвалившейся штукатуркой достаточно свежую кирпичную кладку и, обуреваемый жаждой первооткрывателя, разломал перегородку, за которой и обнаружилось тайное книгохранилище – сухая, хорошо проветриваемая посредством системы душников камера без окон площадью в сто сорок квадратных метра.

К глубокому разочарованию энтузиаста и дирекции исторического заповедника, в тайнике, кроме книг, больше ничего не было. За исключением небольшого количества дешевой церковной утвари начала двадцатого века и порядком обветшавших риз.

Наверное, тайник оборудовали монахи сразу после революции, дожидаясь своей очереди на расстрел или перед дальней дорогой в соловецкие лагеря.

Дирекция, повздыхав в сожалении некоторое время, предметы культа и церковную одежду выставила на общее обозрение, а книгохранилище закрыли до лучших времен.

«Лучшие времена» наступили с приходом Глеба. Он взялся за «спасибо» разобрать библиотеку и систематизировать ее.

Директор, которому Глеб понравился с первого взгляда, неожиданно для себя дал юноше такое разрешение, и тот с головой углубился в работу.

Особых раритетов среди книг не оказалось. Они были в основном церковные, изданные большей частью в конце девятнадцатого века.

Но Глеб, уже достаточно опытный для своих двадцати четырех лет кладоискатель, нутром чуял, что с библиотекой не все так просто.

И оказался прав.

При простукивании в одном из углов помещения Глеб нашел под полом пустоту. Возможно, другой, менее искушенный в таких делах, человек не придал бы этому факту должного значения, так как хранилище книг находилось на втором этаже, но юноша сразу определил, что пустота звучит по-иному, нежели перекрытие первого этажа под полом библиотеки.

Второй тайник он вскрыл ночью вместе с отцом. Это было нечестно по отношению к энтузиастам, хранителям комплекса, но кладоискательская лихорадка вскружила бесшабашные головы Николая Даниловича и Глеба, которые никогда не были большими моралистами, если дело касалось поиска кладов.

Увы, их ожидало жестокое разочарование.

Нет, Глеб не ошибся, тайник и впрямь находился под полом. Это был узкий колодец, почти доверху заполненный... книгами! Но в нем не нашлось даже заваливающей золотой монетки, чтобы компенсировать кладоискателям бессонную ночь и тяжелый труд.

Впрочем, книги из тайника, в отличие от тех, что спасали монахи в начале двадцатого века, сплошь были старинными раритетами и стоили немалых денег, даже по предварительной прикидке.

Но клан Тихомировых никогда не занимался книгами, а потому отец и сын единогласно решили передать свою находку в качестве благотворительного дара историко-архитектурному комплексу.

Это сделал Глеб. Пришлось здорово поработать, чтобы замаскировать следы ночного вскрытия пола.

Но он успешно справился с этой задачей, применив все свое умение и знания в этом деле. По крайней мере, директор комплекса точно ничего не заметил.

Еще бы – новый тайник! Похоже, директор, как и Николай Данилович с Глебом, ожидал увидеть груды сокровищ. Поэтому он и поспешил вскрыть пол, не подвергнув плиту, закрывающую тайник-колодец, обычным в таких случаях исследованиям.

Глеб с облегчением вздохнул...

В отличие от Глеба и Николая Даниловича, директор сильно не расстроился, когда увидел содержимое тайника. Скорее наоборот: рукописные книги, церковные требники на латыни в оригинальном и дорогом оформлении, а также несколько инкунабул² были для директора дороже любых сокровищ.

Он долго тискал Глеба в объятиях и клятвенно обещал, что выпишет юноше большую премию.

Премии Глеб, конечно же, не дождался, но по этому поводу сильно не переживал. Главным было то, что директор без лишних словопрений, перед тем как выставить найденные раритеты в музей, милостиво разрешил молодому специалисту заняться исследованием находок.

И Глеб не подкачал.

Оказалось, что какое-то время монастырь был католическим. Мало того – им заведовали люди, относящиеся к религиозным принципам весьма своеобразно. Судя по нескольким книгам, они проводили странные опыты, которые пахивали дьявольской серой и безбожием.

Открытие Глеба в запасниках долго не залежалось. Директор, мужик ушлый и хозяйственный, сразу смекнул, на какую золотую жилу наткнулся его номинальный подчиненный.

² Инкунабула (от *лат.* *incunabula* – «колыбель», «начало») – книги, изданные в Европе от начала книгопечатания и до 1 января 1501 года. Издания этого периода очень редки, так как их тиражи составляли 100–300 экземпляров.

И вскоре в одном из модных журналов, имеющем большую читательскую аудиторию, вышла обширная статья директора, в которой он соловьем разливался, описывая находку.

Короче говоря, статья была самым настоящим рекламным буклетом. Удар был точен, стрела попала, что называется, в яблочко, и количество экскурсантов выросло в три раза.

А когда еще и центральное телевидение сняло сюжет о монастыре и показало всему миру находки Глеба, в комплексе появились первые иностранные туристы, большей частью духовного сословия, любители старины и просто бездельники, которым все равно на что смотреть и куда ездить.

Поначалу директору это нравилось. Но когда папский нунций, суля разные блага, вышел с прошением в правительство страны с предложением вернуть католической церкви разоренный монастырь, когда-то принадлежащий папскому престолу, он сильно забеспокоился.

И зря. Предложение, спущенное с верхов вниз для рассмотрения, потерялось где-то в чиновных коридорах. А бедный нунций с терпением и настойчивостью, присущим людям верующим, безуспешно обивал пороги кабинетов и слал шифрованные цидулки в Ватикан, в которых преобладали уныние и отчаяние человека, попавшего в лабиринт, из которого нет выхода.

А Глеб тем временем с головой погрузился в изучение находок. И чем больше он вникал в рукописные тексты, написанные латиницей, тем меньше понимал, кем и зачем они написаны.

Постепенно он разобрался – книги на самом деле были журналами лабораторных исследований! И опыты, поставленные большей частью на людях, подтверждали выводы какого-то патера Алоизия, судя по всему, живодера и палача.

Глеб не успел до конца изучить рукописи, как случилось нечто из ряда вон выходящее, заставившее юношу бросить научные занятия и вместе с отцом отправиться в очередную экспедицию.

В тот весенний день с утра экскурсий было всего две, и Глеб благополучно сбавил их на своих коллег.

Он любил в утренние часы предаваться размышлениям, сидя на каменной скамье в садике, слушать птичий щебет и не очень внимательно наблюдать со стороны за «контингентом», как называла туристов билетерша Клавдия Ивановна, дородная женщина с голосом Соловья-разбойника и необъятным бюстом.

Иностранец появился ближе к обеду. Когда он попал в поле зрения Глеба, в совершенно ясном небе громыкнуло – где-то далеко шла гроза.

Углубившийся в свои мысли Глеб от неожиданности вздрогнул и во все глаза уставился на тощего, высокого гражданина явно неславянской наружности.

Он был уже немолод, черноволос, темен лицом и носил длинный серый плащ – несмотря на солнечный день, погода пока теплом не баловала.

Глебу невольно пришло на ум гениальное произведение Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», и он поежился. Загадочный иностранец напомнил ему одного из персонажей романа.

Но тут же юноша и расслабился.

Он был прагматиком до мозга костей и в чудеса не верил. Мало ли ему приходилось водить иностранных туристов по развалинам... И среди них были такие экземпляры, что по сравнению с ними этот угрюмый крючконосый тип выглядел просто красавцем.

И все же заноза, угнездившаяся под сердцем с появлением на монастырском дворе иностранца, так и осталась там, время от времени давая о себе знать легкими уколами.

«С чего бы?» – недоумевал Глеб.

Но уже через полчаса громкоговоритель голосом директора позвал Глеба в здание администрации; оно стояло отдельно от других построек и когда-то служило монахам прачечной.

В кабинете директора сидел тот самый иностранец и пил кофе.

Глеб в душе посочувствовал туристу – секретарь директора Лизочка Забалуева варила не кофе, а какую-то непонятную горькую жидкость, очень похожую по цвету, вкусу и запаху на средство против тараканов.

– Знакомьтесь, – сказал директор сначала по-немецки, а затем по-русски, представляя Глеба иностранцу. – Это наш ведущий специалист Глеб Тихомиров.

Немец привстал и вежливо кивнул, показав директору и Глебу безукоризненный пробор.

«Ого! – с иронией подумал удивленный Глеб – Мои шансы растут. Эдак я скоро стану замом...» И вежливо склонил голову, приветствуя зарубежного гостя.

– Господин Крюгер, – тем временем продолжал директор, – интересуется нашими находками. Мы могли бы показать ему книгохранилище?

«Крюгер! Ничего себе фамилия...»

Глеб посмотрел в черные бездонные глаза немца (Немца ли? Нужно будет уточнить... А зачем?) и увидел в них лишь слегка подтаявший ледок, что должно было, видимо, означать снисходительное расположение к юноше.

Интересно, почему это директор спрашивает у него, показать или не показать иностранцу книгохранилище, которое стараниями Глеба постепенно превращалось в библиотеку раритетов?

Юноша перевел взгляд на своего шефа. Тот явно был не в своей тарелке. Что это с ним?

– Как скажете, – осторожно ответил Глеб.

Заметив, что директор помрачнел, он поторопился сделать весьма существенное замечание, наконец, поняв, что хочет услышать от него шеф:

– Но на этот счет у нас существуют определенные правила...

– Да-да, конечно, – мгновенно оживился и повеселел директор. – Извините, герр Крюгер, – обернулся он к иностранцу, – у нас строгая инструкция... из министерства. – Директор заговорил по-немецки – перевел последнее предложение.

Крюгер насупился. Директор хитро улыбнулся и доверительно сказал, склоняясь к иностранцу:

– Однако в любой инструкции имеются исключения. Сейчас Глеб Николаевич принесет сюда несколько книг, чтобы вы могли убедиться воочию в большой ценности нашей находки.

Директор снова перешел на немецкий язык.

По длинному лошадиному лицу господина Крюгера промелькнула тень недовольства, но он промолчал. Глебу иностранец нравился все меньше и меньше; юноша нутром чуял, что этот странный человек – шкатулка с двойным дном.

Зачем ему понадобились книги? Для научной работы?

Но среди инкунабул не было чего-то из ряда вон выходящего, в этом Глеб уже убедился. Ценность этих книг заключалась лишь в их древности.

Директор, будто подслушав мысли Глеба, объяснил:

– Господин Крюгер – представитель оргкомитета международной выставки, посвященной истории книгоиздательского дела. Она намечена на осень. Герр Крюгер ищет экспонаты для выставки. Его заинтересовало сообщение о нашей находке.

– Вы сказали ему, что среди инкунабул нет раритетов, неизвестных науке? – спросил Глеб.

Они разговаривали так, словно Крюгера в кабинете не было. Похоже, смекнул Глеб, немец или не очень силен в русском языке, или вообще в нем не рубит – Крюгер сидел с видом глухонемого.

– Да. Но господин Крюгер хочет взглянуть на рукописные книги, – с нажимом сказал директор.

– Только после того, как они будут занесены в наш каталог, – решительно отрезал Глеб. – Вы знаете порядок. А я еще не закончил описание находок.

Директор слегка прищурил глаза; это значило, что Глеб занял правильную позицию.

– А если в виде исключения...

Голос директора стал слаще меда.

– Все-таки иностранец... – Он изобразил большую почтительность. – Да и выставка за границей нам не помешала бы. Реклама...

– Ну, если вы настаиваете...

– Упаси бог! – замахал директор руками. – Я всего лишь прошу. Две-три рукописные книги... по вашему выбору.

Взгляд директора вдруг стал колючим.

«Да понял я, понял, – подумал Глеб. – Ты хочешь, дорогой шеф, чтобы я этому Мефистофелю показал не самое главное и ценное».

А все потому, что с помощью наших находок можно накопать не одну кандидатскую и докторскую диссертации, что может принести комплексу и самому директору неплохие дивиденды.

Директор был здоровым реалистом и прагматиком.

– Нет проблем... – Глеб вышел из кабинета и направился в книгохранилище.

Там он подобрал три рукописные книги – все религиозного содержания. Они представляли ценность разве что красочным оформлением страниц и тем, что на них лежала пыль веков.

Иностранец набросился на книги, как коршун на цыплят. Но по мере того, как он перелистывал страницы, его темное, будто обожженное в горне, лицо стало серым. Крюгер едва сдерживал разочарование и злость...

Иностранец долго не задержался. Сухо попрощавшись, он вышел во двор, а там словно растаял среди экскурсантов. Или испарился. Глеб, который наблюдал за Крюгером из окна кабинета директора, даже рот открыл от изумления.

«Мистика...» – прошептал ошеломленный юноша.

– Глеб Николаевич!

Голос директора заставил его вздрогнуть. Он резко обернулся и встретил нахмуренные брови и тяжелый взгляд исподлобья.

– Вот что, Глеб Николаевич, перенеси-ка все рукописные книги в мой кабинет. Я положу их в сейф.

– Но я ведь с ними еще не закончил...

– Какие проблемы? Заходишь ко мне, берешь, что тебе нужно – и работаешь. В сейфе хранить такие большие ценности надежней. А вскрыть его непросто. Все-таки швейцарский, довоенный, теперь такие не делают. К тому же кабинет на сигнализации.

– Вы думаете?..

– Герр Крюгер ушел не солоно хлебавши. Он что-то ищет. И предполагает, что предмет его поисков может находиться у нас. Я вижу этого фрица насквозь. Скорее всего, ему нужна одна из рукописных книг. Похоже, он готов за нее душу дьяволу заложить. Если еще не заложил.

– Неужели вы считаете, что этот иностранный господин способен выкрасть наши находки?

– Не исключено. Возможно, Крюгер агент какого-нибудь богатого коллекционера. Мне доложили, что, прежде чем зайти ко мне, он самым тщательным образом осмотрел комплекс как снаружи, так и внутри, и не просто осмотрел, а все сфотографировал и сделал записи в блокноте.

– Все туристы так делают, – возразил Глеб. – И вообще – мне кажется, вы сильно сгустили краски.

– Ну уж нет! Я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь. Он что-то задумал.

– Все равно не верится. Солидный господин, иностранец – и вор...

Глеб с сомнением покачал головой.

– Естественно, сам он воровать не пойдет. Наймет кого-нибудь. У нас за деньги что хочешь сделают. А за большие деньги – тем более. В последние годы столько было таких случаев... Слава богу, нас пока миновала чаша сия.

Директор бросил взгляд на иконку, которая висела возле книжного шкафа, и быстро перекрестился.

– Так что, я думаю, нам еще придется о нем услышать, – продолжил он. – Не хотелось бы, но... Такие люди на полпути не останавливаются. Уж поверь мне, парень...

Мысли и воспоминания Глеба прервал отец:

– Глеб! Ты что, оглох? Зову, зову... Поднимайся, перекур закончен. Нам еще топать до места как минимум два часа.

Спустя несколько минут они уже спускались в луговину, чтобы по берегу небольшой речушки выйти к тропе, которая вела к Трем Могилам.

Глава 2. Генерал ордена иезуитов

Ксендз Рудзевич, выпроводив последнего прихожанина, с облегчением вздохнул. Служение Господу – тяжкая ноша, но не настолько же. Эти русские поляки такие странные, чтобы не сказать больше...

Рудзевич втянул ноздрями воздух, поморщился и беззлобно сказал:

– Пся крев, холера ясна!

Помещение наполняли запахи пота, табака, давно не мытых тел и самогонного перегара. Прихожане, многие из которых были совсем недавно обращены в католическую веру, перевоспитанию поддавались с трудом.

Конечно, кардинал, оказавший ему большое доверие, может не сомневаться – свой долг перед Святым престолом он будет выполнять с большим усердием и прилежанием.

Но что делать, если Божье слово до его советизированной паствы доходит с трудом? А если и доходит, то чаще всего вместе с похмельным синдромом.

Гораздо проще наставить на путь истинный какого-нибудь захудалого негра из африканской глубинки, нежели бывшего колхозника или работягу.

Ксендз снова вздохнул – на этот раз тяжело, с тихим стоном, – и направился в свои «апартаменты». Они представляли собой небольшую комнату вместе с кухонькой площадью шесть квадратных метров и находились в помещении, которое заменяло верующим костел.

Раньше в этом здании была контора потребкооперации. Но с приходом демократии многие колхозы и совхозы развалились, деревни и поселки обнищали, и кооперативные магазины закрылись из-за нерентабельности.

Какое-то время начальники от кооперации продолжали занимать свои кабинеты, а затем как-то тихо и незаметно разбрелись кто куда. Контора осталась бесхозной.

Понятное дело, сельские труженики, наученные жить «по-коммунистически» годами правления тех, кто именовал себя «умом, честью и совестью эпохи», не зевали. И вскоре от конторы остались лишь стены – без окон, дверей, без деревянного пола и даже без крыши, на свою беду, крытой оцинкованным железом.

Рудзевичу в его просьбе власти не отказали и продали контору и участок земли за чисто символическую цену. Ему нужна была молельня, потому что строительство часовни обещало затянуться до той поры, пока рак свистнет, а для районного начальства было очень важно, чтобы люди не докучали им разными просьбами и требованиями.

Пусть уж лучше народ молится, нежели начнет с транспарантами в руках качать права под окнами здания районной администрации.

То, что ксендз – католик, никого не смутило и не удивило. За последнее десятилетие в некогда православной области не появились разве что почитатели богини Кали³. Различные секты плодились и размножались, как грибы после дождя.

Коллектив, на который можно было опереться в своих трудах, у ксендза был. В поселке жило множество семей поляков (если не сказать большинство), в свое время сосланных большевиками в Сибирь уж неизвестно за какие провинности.

Когда полякам вышла амнистия, они не стали возвращаться на свою родину (кто бы им это разрешил?), лишь поменяли холодный север на более благодатные края.

Все поляки, в пику своим большевистским угнетателям, исповедующим в открытую коммунизм, а втихомолку православие, так и остались католиками. Поэтому приезд Рудзевича они встретили с большим энтузиазмом.

³ Кали – одна из богинь в индуистской мифологии, которой приносили кровавые жертвоприношения.

И вскоре благодаря их усердному бесплатному труду контора потребкооперации превратилась в католическую молельню, звучно наименованную костелом.

Конечно, это было не то, что хотелось ксендзу. Но Всевышний велел терпеть, и Рудзевич терпел, работая каждодневно, как пчела.

Вскоре его стараниями количество прихожан возросло, многие бросили пить и даже курить. И молва о святом отце, о его добром сердце и великих щедротах покатила по окрестным селам, как колобок.

Сегодня Рудзевич весь день ощущал какое-то беспокойство. Во время службы ему вдруг показалось, что он не застегнул ширинку, и хотя брюки были скрыты под церковным облачением, ксендз сбился на полуслове, и его бросило в пот.

К вечеру внутреннее волнение усилилось. Рудзевич места себе не находил.

«Наверное, магнитная буря», – думал он, пытаясь успокоиться. В его годы (Рудзевичу недавно исполнилось пятьдесят лет) на здоровье уже влияют и вспышки на Солнце, и полнолуние, которое приносит бессонницу.

Ксендз достал из холодильника свиные колбаски, которые он готовил собственноручно, и положил их на горячую сковородку, где уже скворчал жир. Аппетитный запах жареного мяса со специями мгновенно наполнил кухню и выплеснулся в открытую форточку.

Во дворе тихо заскулил голодный пес; он сидел под окном и смотрел, не отрываясь, на занавеску, которая скрывала хозяина от его по-человечески умных и тоскливых глаз.

Пса Рудзевич завел после того, как воры украли у него кур. Ксендз относился к еде очень серьезно. Поэтому он предпочитал овощи со своего огорода – без нитратов, мясные продукты и яйца – из собственного хлева, когда живность кормится не подозрительной смесью неизвестно чего под названием комбикорм, а качественным зерном, отрубями, свеклой и картошкой.

Рудзевич держал кабанчика, два десятка кур и стадо гусей, которых трудно было сосчитать – ранним утром гуси уходили к реке, а возвращались, когда вечерело.

Свежим молоком его снабжали прихожане, которые также помогали своему пастырю управляться с большим огородом, занимавшим почти тридцать соток.

Ему нравилась простая деревенская жизнь, хотя иногда мысли и мечтания ксендза долетали и до папского престола, на котором недавно сидел его земляк. А почему бы и ему, ксендзу Рудзевичу, не властвовать в Ватикане? Папа ведь тоже поначалу был простым священником...

Рудзевич вдруг почувствовал, как темнота позади него сгустилась и материализовалась. Это было очень неприятное ощущение – словно ему за шиворот бросили живого скользкого ужа. Так иногда подшучивали над ним в детстве сверстники.

Он резко обернулся и посмотрел на темный дверной проем. Там стоял человек! Ноги ксендза вдруг стали ватными, и он плюхнулся на табурет.

– Матка боска... – прошептал испуганный ксендз.

– Не нужно упоминать Матерь Божью всуе, – строго сказал человек и зашел на кухню.

Он был высок, худощав и одет во все темное. На его аскетическом длинном лице, изрезанном глубокими морщинами, выделялся нос, который был похож на ястребиный клюв.

Но внимание ксендза привлекли глаза незнакомца. Они были пугающе черны, и в них горел адский огонь фанатизма и жестокости. Они прожигали Рудзевича насквозь, и он почувствовал, что начал задыхаться. Так всегда было, когда ксендз сильно волновался.

– Как... – каркнул Рудзевич. – Кгм! – прокашлялся он. – Как вы сюда попали?

– Через дверь, – коротко ответил незнакомец.

– Но я запер ее!

– Вы хотели это сделать, но забыли. Так бывает.

Рудзевич не поверил незнакомцу. Он точно помнил, что запер входную дверь молельни на ключ. Но спорить с этим странным человеком ксендз не стал. Ему казалось, что между ними пропасть, через которую боязно прыгать.

Он лишь спросил:

– Кто вы?

Прежде чем ответить, незнакомец достал из потайного кармана массивный серебряный перстень с большим черным камнем и надел его на безымянный палец правой руки. К полированной поверхности камня была прикреплена золотая бляшка в виде оскаленной головы волка или пса.

Увидев перстень, Рудзевич мгновенно успокоился. Он встал и выжидающе посмотрел на незваного гостя.

– *Multi sunt vocati, pauci vero electi*⁴, – немного гундося, сказал незнакомец.

– *Omnia in majorem dei gloriam*⁵, – смиренно ответил ксендз.

Незнакомец протянул руку с перстнем, Рудзевич встал на колени и поцеловал изображение оскаленной пасти.

Когда губы ксендза коснулись перстня, ему показалось, что по телу пробежал электрический ток. Его скромную обитель удостоил посещением сам генерал ордена Иисуса!

– Встаньте, сын мой, – приказал незнакомец, оказавшийся одним из руководителей ордена иезуитов; возможно, он был даже магистром.

Рудзевич, с трудом разгибая мгновенно одеревеневшие ноги, поднялся и покорно склонил голову перед своим непосредственным начальником.

В иезуиты Рудзевича сосватал приятель. Они учились и получали сан вместе, но затем их пути разошлись. Приятель очень быстро сделал карьеру и стал каноником⁶, в отличие от Рудзевича, влачащего жалкое существование в захудалом приходе.

Но надежды Рудзевича на быстрый карьерный рост не оправдались. Правда, его перевели в другую местность, где жил народ побогаче, однако как был он простым ксендзом, так и остался.

Перемены в его судьбе наступили три года назад. Рудзевича вызвал к себе сам кардинал и после недолгой беседы благословил на тернистый путь первопроходца – ксендз должен был вместе с несколькими подвижниками оставить Польшу и отправиться в православную Россию, где так исторически сложилось, что народ католиков и на дух не терпел.

Сникший Рудзевич воспротивиться воле высшего церковного начальства не мог – не имел права. Но вечером того же дня его посетил один из братьев ордена Иисуса, старший офицер, если применить военную терминологию, и рассказал, что служение Господу в России не опала, а большое доверие.

Орден в лице церкви посылает Рудзевича, чтобы он создал во враждебном православном окружении ячейку иезуитов, которая в будущем могла бы стать опорным пунктом католицизма в регионе. Для этого выделены большие средства.

Самому Рудзевичу было твердо обещано через пять-семь лет честного и беспорочного служения папскому престолу хорошую синекуру или в Польше, или в другой стране Запада.

Ксендз рьяно взялся за работу, но особыми успехами похвастаться не мог. Даже его земляки-поляки, истинные католики, и те были заражены вирусом марксизма, который в России выродился в пофигизм – всем все было до лампочки.

Но самое страшное заключалось в том, что постепенно и Рудзевич начал меняться. Не помогали ни чтения молитв, ни епитимьи, которые он накладывал сам на себя, ни долгие вечер-

⁴ Много званных, но мало избранных (*лат.*).

⁵ Все для вящей славы Божьей (*лат.*)

⁶ Каноник – член совета при епископе, участвующий в управлении епархией.

ние беседы перед зеркалом, когда он убеждал свое отражение, Рудзевича-перевертыша, не сходить с пути истинного, не пасовать перед трудностями.

Чтобы быть более убедительным в своих увещеваниях, ксендз ставил рядом бутылку доброго самогона и стакан и время от времени «причащался», закусывая корочкой ржаного хлеба и соленым огурцом.

Нужно сказать, что самогон тоже был собственного производства. Ту пакошь, что пила его паства, Рудзевич брезговал даже нюхать.

Свою «огненную воду» ксендз гнал из сахара, затем с помощью марганцовки убирал сивушные масла, а потом пропускал два раза через фильтры с древесным углем.

Полученную жидкость Рудзевич облагораживал, настаивая на дубовой коре и чае с добавлением других ингредиентов – ванили, корицы, сахара, кофе и так далее. Конечный продукт у ксендза получался гораздо лучше самопального «виски», которое стояло на прилавках магазинов.

– Нам не помешают? – отрывисто спросил высокопоставленный иезуит.

Он говорил с легким акцентом – как латыш. Но истинную национальность ночного гостя определить было трудно.

– Нет, – ответил Рудзевич, не поднимая глаз.

– Успокойтесь и держитесь свободно, брат, – смягчил тон иезуит. – Я ваш гость.

– Да, да, конечно...

– Кажется, у вас что-то подгорает.

– Ах!..

Рудзевич стремительно бросился к электроплите, схватил сковородку и поставил ее на специальную подставку. Ему сильно хотелось есть, но он не решался предложить начальству – а иезуит был для ксендза очень большим начальником – разделить с ним трапезу.

Гость выручил Рудзевича. Казалось, он мог читать мысли:

– Надеюсь, вы пригласите меня отужинать...

– Именно это я и хотел предложить, ваше преосвященство! – обрадованно воскликнул ксендз. – Чем Бог послал... Присаживайтесь, я сейчас...

Спустя десять минут стол в гостиной ломился от снеди: ксендз был запасливым человеком.

Кроме колбасок Рудзевич подал отличный швейцарский сыр, за которым ему пришлось ездить в райцентр, копченую рыбу, маринованные грибы, паштет из гусиной печени, крестьянское масло со слезой, соленые огурцы-корнишоны, свиной окорок, соус ткемали, моченые яблоки, зелень и монастырский квас, тоже собственного производства, изготовленный по старинному рецепту.

– А вы тут неплохо устроились, – с одобрением сказал иезуит.

– *Labor improbus omnia vincit*⁷, – не удержался, чтобы не щегольнуть хорошей латынью и знакомством с сочинениями Вергилия ксендз.

– *Labor non opus, sed beneficium*⁸, – в тон ему ответил иезуит.

Довольные друг другом, они в ускоренном темпе воздали хвалебную молитву Творцу всего сущего и принялись трапезничать.

Немного поколебавшись, Рудзевич робко сказал:

– Вы, наверное, здорово устали с дороги... Не желаете восстановить силы церковным вином?

– Честно говоря, я не люблю сладких вин. Но если у вас есть что-нибудь покрепче и не очень сладкое, не откажусь...

⁷ Упорный труд все побеждает (*лат.*).

⁸ Труд не бремя, а благодеяние (*лат.*).

Самогон иезуиту понравился. Похоже, он так и не понял (или искусно притворился непонятливым), что употребляет самопальное пойло, потому что ксендз подал спиртное в хрустальном графине.

А Рудзевич скромно промолчал о своих успехах на почве самогонварения, резонно полагая, что в этом нет большого греха перед орденом и церковью.

В крайнем случае он будет держать ответ перед еще более высоким начальником – Господом, который, в отличие от отцов-иезуитов, гораздо терпимее и благожелательнее к своим неразумным детям, погрязшим в грехах.

После ужина, когда ксендз сварил кофе, гость отхлебнул глоток горячей ароматной жидкости, вытянул длинные ноги и сказал:

– Времени у меня мало, поэтому сразу перейдем к делу...

Он испытующе посмотрел на ксендза. Рудзевич невольно поежился под взглядом генерала ордена иезуитов – он был холоден, как черный лед, и беспощаден, как готовая к нападению змея.

– У вас есть среди паствы надежные люди? – спросил иезуит.

Немного поколебавшись, ксендз осторожно ответил:

– В общем... наверное, да.

– Это не ответ, – сухо сказал гость. – Мне нужно три-четыре человека возрастом от двадцати пяти до сорока лет, без вредных привычек, крепких, выносливых, неболтливых и готовых выполнить любое задание во славу Господа нашего.

Рудзевич задумался. Иезуит терпеливо ждал, отрешенно глядя на занавешенное окно, откуда слышалось звяканье цепи, на которую был посажен пес.

– К людям в душу не заглянешь... – наконец молвил Рудзевич. – У меня есть на примете один прихожанин...

– Только один?

– Мне кажется, это как раз тот человек, который вам нужен. Молодой, сильный, пользующийся авторитетом среди прихожан и... кгм!.. в определенных кругах. А с его помощью вы найдете и остальных.

– Что значит «в определенных кругах»?

– Он был не в ладах с законом.

Рудзевич замялся.

– Можете не продолжать...

Генерал ордена иезуитов смотрел на ксендза тяжелым взглядом.

– Мне все ясно. – Он слегка покривил свои тонкие губы. – Добрый пастырь и заблудшая овца – это для романтиков. Солдаты ордена Иисуса в первую голову должны быть прагматиками. Вы используете этого человека, чтобы слепые прозрели и увидели свет истинного учения, а глухие услышали слово Божье. Не так ли?

– Так, – растерянно ответил ксендз. – Но как вы?..

– Вы познакомите меня с этим человеком... завтра, – не стал вдаваться в объяснения высокопоставленный иезуит. – Но так, чтобы нашу встречу не видели и никто о ней не знал.

– Как прикажете, – поклонился Рудзевич.

– Брат, я не приказываю, я прошу...

Голос высокопоставленного иезуита стал мягче плавленого воска.

– И не для себя лично, а во благо святой церкви и ордена.

– Слушаю и повинуюсь...

Ксендз снова поцеловал руку своего босса – на этот раз с подчеркнутым благоговением.

Генерал ордена иезуитов скороговоркой прочитал коротенькую молитву, начинающуюся словами «Pater noster...»⁹, начертил над головой Рудзевича крест и закончил:

– Амен...

Ксендзу пришлось ночевать на широкой скамейке, застеленной всего лишь тонким одеялом, подложив под голову фуфайку.

В отличие от генерала, который спал на его мягкой и удобной кровати, как убитый, Рудзевич всю ночь проворочался с боку на бок. Он так и не избавился от страха перед незванным гостем.

А еще ксендз терялся в догадках: как мог генерал пройти незамеченным мимо Шарика, который обладал отменными сторожевыми качествами, и как сумел открыть замкнутую дверь?

В том, что молельню он запер, Рудзевич уже не сомневался. Многие вещи человек делает автоматически, словно это заложено в его программу на генетическом уровне.

Что касается Рудзевича, то он всегда отличался пунктуальностью и никогда ничего не забывал.

⁹ «Отче наш...» (лат.).

Глава 3. Стах

Стах Коповский недовольно посмотрел на мать и втихомолку выругался. Нет, эти старики просто невыносимы!

Каждый день мать долдонит о том, что он позорит их древний шляхетный род, связавшись с босотой, что негоже каждый вечер возвращаться домой пьяным в дым, что вредно наедаться на ночь до отвала и что ему давно уже пора жениться... С ума можно сойти!

Шляхетный род! Когда это было... Да и было ли вообще?

Старые, выцветшие от времени фотографии всегда казались Стаху окнами в Зазеркалье, которые с годами начали затягиваться, все уменьшаясь и уменьшаясь в размерах.

Паненки в юбках с кринолином, шляхтичи с лихо закрученными усами и саблями, скорее всего, бутафорскими, рысаки, запряженные в санки, в которых сидят важные паны... Давно умершее время, память, запечатленная на картоне, шляхетный гонор, густо присыпанный нафталином.

Годы, прожитые Коповскими в царской России, а затем Советском Союзе, многое изменили в мировоззрении членов семьи, сильно проредили их численность, и разбросали от Карпат до Владивостока.

Но почему-то не повезло младшей ветви Коповских, к которой принадлежал Стах, – их семейку угораздило поселиться в самой что ни есть тьмутаракани.

И этого Стах не мог простить ни отцу, который пропал, как в воду канул, в девяностом, не дождавшись полного расцвета демократии, ни матери, не разрешившей ему в свое время уехать в Москву, куда его приглашали друзья-спортсмены, впоследствии создавшие «бригаду».

Теперь они живут и не тужат (те, что остались в живых), а он перебивается случайными заработками и подачками от ксендза Рудзевича.

Мутный человек этот ксендз... В отличие от матери, которая души не чаяла в Рудзевиче, сыну было известно гораздо больше о деяниях святого отца. У ксендза было даже не два лица, а три или четыре.

В общем, Рудзевич был неплохим человеком: где добрым словом, где молитвами, а где и напоминанием о геенне огненной он вылечил многих мужиков от пьянства, заставил их работать и кормить свои семьи, помогал больным и бедным.

Но с другой стороны его методы умножения числа прихожан не выдерживали никакой критики. И Стаху они были хорошо известны, потому что Рудзевич использовал молодого человека как кнут; сам ксендз выступал в роли пряника.

В принципе, такое разделение обязанностей Стаху нравилось. В особенности тот момент, когда святой отец отпускал ему грехи и выдавал очередную премию зелеными американскими пенёндзами...

Стах не отрываясь выпил жбан холодного квасу и пошел к умывальнику, чтобы подставить голову под холодные струи – на похмелье она всегда гудела, как церковный колокол.

Проходя мимо окна, он выглянул на улицу... и на этот раз упомянул не Бога, а черта:

– Только нечистого вспомни, а он уже на пороге.

Во двор как раз заходил Рудзевич, и Коповскому, с его «чугунной» головой, вовсе не улыбалась перспектива битый час выслушивать поучения и наставления святого отца, касающиеся антиалкогольной пропаганды. Хорошо хоть мать вышла в огород полоть траву.

Как обычно, ксендз начал во здравие, а кончил за упокой:

– ...Ничто, сын мой, так быстро не превращает человека в скотину, как наркотики и спиртное, ибо...

Стах болезненно поморщился и непочтительно перебил своего наставника:

– Святой отец, прошу вас отчитать меня как следует на исповеди, и желательно вечером. Я так думаю, у вас есть ко мне какое-то дело, поэтому давайте по существу.

Рудзевич несколько опешил от такого нахальства и хотел обрушиться на Коповского с упреками, но вовремя вспомнил о миссии, которую навязал ему генерал ордена иезуитов, и прикусил язык. Зачем дразнить гусей?

– И то верно...

Теперь ксендз был сама доброта; его голубые глаза излучали неземной свет, а на круглом упитанном лице словно разлили елей.

– Тебе, сын мой, нужно сегодня – прямо сейчас – встретиться с одним человеком, – сказал он с таинственным видом.

– Зачем?

– Это он сам тебе скажет.

– А нельзя ли перенести встречу на завтра?

– Нельзя! – отрезал ксендз, теряя терпение.

Но тут же взял себя в руки, и снова из его уст полился мед вперемешку с молоком:

– Сын мой, от этой встречи зависит твоя судьба. У тебя есть возможность поправить свое финансовое положение и даже – если, конечно, захочешь – выехать за рубеж.

Рудзевич знал, на какие кнопки нужно нажать и что посулить, чтобы Стах протрезвел как можно быстрее и стал более сговорчивым.

– Да ну?! – приятно удивился Стах. – За рубеж – это хорошо. Говорят, там можно жить. И деньги мне нужны. Ну, вы знаете... А кто этот человек?

– Брат по вере, – туманно ответил Рудзевич. – Очень влиятельный человек.

– Ему можно доверять?

– Как мне, – живо ответил ксендз, подпустив в глаза как можно больше честности.

«Тогда ухо нужно держать остро...», – подумал Коповский. Но сказал совсем другое:

– В таком случае я спокоен. Где назначена встреча?

– Возле старой мельницы.

– А... У речки?

– Да.

– Как он выглядит? Это чтобы нам не разминуться.

– Не волнуйся, не разминетесь. Он сам к тебе подойдет.

– Время?..

– Встреча назначена на одиннадцать.

Стах бросил взгляд на часы-«ходики» и, решив, что еще успеет сбегать к ларьку, чтобы выпить пару бокалов пива, попросил, придав лицу соответствующее выражение:

– Святой отец, спонсируйте мне пятьсот рубликов. Пожалуйста. В счет будущих моих подвигов во имя веры.

Рудзевич хотел прикинуться валенком и показать Коповскому кукиш в кармане, но ему вспомнилось выражение глаз генерала ордена иезуитов, и он, ни секунды не колеблясь, выдал молодому человеку требуемую сумму.

По правде говоря, Рудзевич готов был отдать все свои скромные сбережения, лишь бы никогда больше не видеть ни этого наглого молодца с хищным рысьим взглядом, ни своего высокопоставленного босса...

У ларька былолюдно. В отличие от прежних – социалистических – времен точка работала бесперебойно, с раннего утра и до ночи. И пиво не разбавляли водой. Никогда и никому, даже тем, кто уже лыка не вязал и не мог отличить пиво от мочи.

Но не потому, что старик Жулинский, который заведовал ларьком лет тридцать, был честным, совестливым человеком. Отнюдь.

Просто он боялся, что земляки, если он будет «химичить», могут взять его под микитки и использовать в качестве футбольного мяча. И защитить его будет никому.

А еще он держал марку, что по нынешним временам было верным шагом. Конкуренция...

В отличие от прежних времен, власть в поселке принадлежала не тем, кому положено по штату. Вернее, ее совсем не было – участкового, который закрывался в своей квартире на засов, едва темнело, никто всерьез не воспринимал.

Правда, он был местным жителем, а потому не хотел портить отношения со своими земляками...

Стаха встретили приветственными возгласами. Об уважении речь не шла – его побаивались. Стаха нельзя было причислить к бандитам или отморозкам, но все знали, что он очень мстительный и может серьезно осложнить жизнь любому.

У Коповского были дружки – такие же, как и он. В начале «демократизации» страны, когда стали образовываться мафиозные кланы и «бригады», и Стах, и его приятели сначала из-за своей неповоротливости не попали в струю, а затем, когда поезд ушел, оказались на перроне в качестве подметал.

Стах и его дружная команда прихватывали все, что плохо лежало: металлолом, оборудование обанкротившихся предприятий, срезали электрические и телефонные кабели, брали мзду со старушек, которые торговали без разрешения и в неположенных местах, и даже «чистили» подвалы на дачах, где хранились соленья, картошка и варенье.

– А-а, Сташек! – Жулинский засиял, как начищенный медный пятак. – Рад тебя видеть. Ходзь ту...

Он указал на столик, скрытый от нескромных глаз под навесом; старый проходимец держал его для особо важных персон.

«Ну и нюх у него на деньги! – невольно восхитился Стах. – Неделю назад, когда в моих карманах гулял ветер, этот сквалыга сделал вид, что у него плохо со зрением».

Сегодня Коповский выступал гоголем, и это заметил не только Жулинский, но и несколько знакомых парней. Они не были ему близки, за исключением одного из них, Анджея, но, видя умоляющие похмельные глаза, Стах милостиво кивнул парням своей вихрастой головой, приглашая их под навес, и сделал Жулинскому заказ:

– Два жбана пива, пакет соленых орешков и четыре бокала.

– Едэн момент, пан...

Жулинский показал свои вставные челюсти в широкой улыбке и исчез в будке, которую он гордо именовал пивбаром, о чем и гласила вывеска, намалеванная местным Шагалом. Буквы на ней не стояли в одну строку, а казались пьяными и прыгали вверх-вниз.

Через пять минут компания под навесом увлажняла пустыню в своих желудках и охлаждала горячие головы свежим ледяным пивом. За первым жбаном последовал второй, за ним третий...

– Слыхал, что случилось вчера вечером? – спросил Анджей.

– Нет, – ответил Стах.

И неожиданно почувствовал под сердцем неприятный холодок. Неужели он и его дружки вчера по пьянке что-то натворили? А ведь могли...

Конец вечера, увенчанный грандиозной попойкой, Коповский помнил смутно; то есть почти ничего не помнил. Домой он добрался на «автопилоте» и упал на диван, не раздеваясь.

– Ты помнишь старого Климбу? – спросил Анджей.

– Не уверен...

Стах поморщился и потер виски – голова все еще была пустая и звонкая, как пустой керамический жбан.

– Ну, того, который с колотушкой ходит.

– Ходил, – поправил Анджея Коповский.

Теперь он вспомнил. Климпа был такой древний, что его можно было назвать патриархом с полным на то основанием. Поговаривали, что он родился в начале двадцатого века, сразу по окончании японской войны.

Но проверить это утверждение никто не мог – у Климпы не было никаких документов.

Как он ухитрился прожить при советской власти без паспорта и свидетельства о рождении, объяснить было невозможно. Скорее всего, так получилось потому, что Климпа считался поселковым дурачком, юродивым.

Обычно в большие церковные праздники Климпа, облаченный в рубище и заросший бородой, как лесовик, ходил по поселку с деревянной колотушкой и выкрикивал: «Люди! Берегитесь! Дьявол рядом! Он следит за вами! Молитесь – и спасетесь!»

Поначалу менты сажали старика за нарушение общественного порядка на пятнадцать суток, а затем привыкли и укротили свое рвение. В конце концов Климпа превратился в неотъемлемую часть поселка, стал едва не главной его достопримечательностью.

Жил Климпа на окраине поселка, в избе, похожей на жилище Бабы-яги; не хватало лишь курьей ножки. Несмотря на то, что все считали странного старика чокнутым, его изба была филиалом местной больницы на общественных началах.

Климпа, при всей своей дурковатости – наигранной или настоящей – был знахарем. Он лечил травами и заговорами. И весьма успешно.

Но денег за лечение не брал. Народный целитель предпочитал продукты.

Последние пять или шесть лет Климпа почти перестал появляться на улицах поселка. Почему? Люди терялись в догадках.

Старик, как и раньше, был достаточно бодр, легок на подъем и, что удивительно, при полном здравии. И по-прежнему не отказывал в помощи страждущим. Только ходить он стал помедленней и большей частью молчал.

Впрочем, и раньше Климпа не отличался словоохотливостью.

– Так что там стряслось? – спросил Стах, доливая пиво из жбана в свой бокал.

– Над поселком пролетал НЛО! – выпалил Анджей.

– Удивил... – Коповский саркастически ухмыльнулся. – В прошлом году они сновали над поселком все лето и половину осени – до ноября – как навозные мухи. Я сам видел. Но при чем тут Климпа?

– Очень даже причем. Эта штукавина зависла как раз над его конурой. Из нее на землю упал зеленый луч, и стало видно, как днем. Климпа выскочил во двор и начал подпрыгивать и кривляться, словно обезьяна. Он что-то кричал и грозил небу кулаками. А затем... Затем раздался взрыв и НЛО рассыпалось на тысячи кусочков. Вот был фейерверк, доложу я тебе!

– Ты сам это наблюдал?

– Нет. Я видел только зарево.

– Понятно...

Стах облегченно вздохнул и осушил одним глотком полбокала – он точно помнил, что вчера его команда ничего не сожгла.

– А кто тебе рассказал про Климпу? – спросил Коповский, вытирая пену с губ тыльной стороной руки.

– Старуха Живалкова, его соседка. И не мне, а моей мамаше.

– Нашел, кому верить... Ее хлебом не корми, дай язык почесать. Она может такое сплести... В позапрошлом году эта старая перечница всем рассказывала, что видела сатану. Будто ходил он ранним утром по улицам весь в черном, глаза, как горящие уголья, на голове диковинный берет с петушиным пером, а на ногах хромовые сапоги с высокими голенищами – чтобы скрыть копыта.

– Это я помню.

– Ну вот.

– Но зарево-то было!

– Возможно. Расспроси пожарных, может, где-то что-то горело. У нас это бывает часто.

По лицу Анджея было видно, что его обуревают сомнения, и он готов был спорить со Стахом и дальше, но благоразумие взяло верх. Тем более, что очередной жбан показал дно, а злить благодетеля – все равно что плевать в свою тарелку с супом.

Ох, уж эта Живалкова... Старая карга с языком, как ведьмино помело.

Стах покачал головой и поманил пальцем Жулинского – чтобы тот принес еще один жбан. И в этот момент, как показалось Коповскому, ему в сердце вонзилась ледяная игла. Он даже на миг задохнулся от боли.

Что такое, черт побери?

Он перевел дыхание, помассировал грудь... и неожиданно вспомнил ксендза. Бросив взгляд на часы, он грязно выругался.

Опоздал на встречу! Нет, еще не опоздал, но это может случиться, если задержится у Жулинского еще на минуту.

– Все, хлопцы, мне пора! – нервно сказал Стах, поднимаясь на ноги.

Он бросил на стол несколько купюр и выскочил из-под навеса с такой прытью, будто за ним кто-то гнался. Кто-то очень опасный. Его будто тянуло к старой мельнице на веревке. Это была неодолимая сила, которой он не мог противиться.

«Что это со мной?!» – удивлялся Коповский. Но не эта мысль была главной. Над всеми эмоциями и устремлениями преобладала основная идея – прийти вовремя на встречу.

Он успел. Когда запыхавшийся Стах добежал до старой мельницы, над местностью вдруг раздался колокольный звон – будто неподалеку был православный храм.

Коповский даже вздрогнул от неожиданности и исположенно огляделся по сторонам – что это?! Или мелодичный звон ему померещился?

Почудилось... Точно почудилось. Стах потрянул головой и нервно хихикнул. Что это с ним сегодня? Нет, все-таки ксендз прав – нужно меньше пить...

Он огляделся. Местность была очень живописной, словно сошла с полотен старинных мастеров. Водяную мельницу построили еще до революции, когда речка была полноводной.

Ныне она обмелела, а здание мельницы, сложенное из красного кирпича, сильно обветшало и потеряло крышу, но в развалины не превратилось – больно уж хорошие мастера его делали.

Старые люди говорили, что при строительстве каменщики добавляли в раствор куриные яйца и какой-то серый порошок, поэтому здание не смогло разрушить даже прямое попадание авиабомбы во время Отечественной войны.

К мельнице жители поселка наведывались редко. Она издавна пользовалась дурной славой. Ее первый хозяин повесился, его сын-наследник пропал без вести, а старый прасол¹⁰, перекупивший мельницу у несчастной вдовы, зарезал свою молодую жену, изменившую ему с заезжим офицером.

Во время Гражданской войны белые расстреливали возле мельницы комиссаров и чекистов, затем уже красные пускали здесь в расход разных буржуев, интеллигентов и контру, а когда установилась советская власть, неподалеку от этого места находился лагерь, в котором собирали для отправки в Сибирь тех, кто не хотел вступать в колхозы.

В общем, местечко было еще то. А если учесть, что и во времена развитого социализма у мельницы случались разные неприятности и даже смертоубийства, то легко понять, почему у Стаха похолодело внутри, и он невольно сунул руку в карман, где лежал нож.

– Нож – плохая защита от страха, который поселился в твоём сердце.

¹⁰ Прасол – в дореволюционной России оптовый скупщик сельскохозяйственных продуктов.

Голос прозвучал ниоткуда. Казалось, что звуки доносились с небес, но когда Коповский резким движением вскинул голову, чтобы посмотреть вверх, рядом послышался смех, наплавивший ему фильм о Фантомасе, которого играл знаменитый французский актер Жан Маре.

Стах в бешенстве крутанулся на каблуках, чтобы разобраться с «шутником» по полной программе, но тут же ступешался. Мало того – он невольно сделал шаг назад – и на какое-то время онемел...

Перед ним стоял Черный Человек – пугало его детства. Бабка рассказывала о нем так часто, что Стаху он казался не вымышленным, а живым, во плоти.

Став взрослым, Стах понял, что рассказы бабки – это всего лишь метод воспитания. Родители не любили, когда их отпрыск задерживался на улице допоздна – то есть до полуночи – и строго за это наказывали.

Однако ни отцовский ремень, ни материнские розги не шли ни в какое сравнение с эффективностью сказочных историй, которые бабка нашептывала внуку на ухо, когда он ложился спать.

По ее словам, Черный Человек появлялся, едва начинало темнеть, и уводил детей и взрослых к старой мельнице, после чего их больше никто не видел. Наверное, он обладал гипнозом, потому что люди шли за ним, как зомби, – безвольные и безгласные.

Жители поселка и впрямь иногда пропадали. Мало того, находили следы, которые указывали на то, что исчезнувшие люди посещали мельницу в тот день, когда их не стало.

Высокий худой мужчина, который стоял перед Коповским, был очень похож на Черного Человека, о котором говорила бабка. Неподвижные глаза, хищный ястребиный нос, аскетическое лицо, похожее на череп, обтянутый кожей, магнетический взгляд...

Но одет он был не в черный, а в серый плащ; на его ногах были не сапоги с высокими голенищами, а обыкновенные остроносые туфли, писк последней моды; а вот на голове красовался большой берет, украшенный фазаньим пером и какой-то эмблемой, выполненной из серебра с чернью, – ну точь-в-точь такой, как описывала в своих рассказах старуха Живалкова.

– Святой отец не ошибся, – тем временем продолжал говорить незнакомец. – Вы именно тот человек, которого я искал.

– Кто... вы? – наконец выдавил из себя Стах.

У него внезапно пересохло в горле, а язык стал неповоротливым и шершавым. Казалось, что глаза незнакомца прожигали ему грудь и высасывали из тайников души самое сокровенное. Откуда он узнал про нож в кармане?

– Я тот, кого вы ждете.

– А... Ну да...

Коповский вытолкнул воздушный комок, который застрял в горле, и немного приободрился.

– И что пану от меня нужно? – спросил он намеренно грубо, чтобы скрыть растерянность.

– Немного. Всего лишь добросовестное служение церкви и Святому престолу.

– Так вы святоша...

Стах криво ухмыльнулся, почувствовав облегчение, – он, грешным делом, подумал, что перед ним сам нечистый.

– Что ж, подвиги во имя веры для меня не в новинку, – сказал он цинично. – Давайте адрес.

– Какой адрес?

Кажется, незнакомец удивился.

– Ну, того человека, которому нужно ребра пересчитать, чтобы он уверовал.

Когда неофиты упрямылись и не шли под крыло католической церкви, Рудзевич прятал сладкий пряник в рукав сутаны и доставал кнут.

На таких упрямцев неожиданно сваливалась масса неприятностей: у одного кто-то ночью выкопал картошку; у второго неожиданно сдохла кормилица-коза; у третьего сгорел хлев с пернатой живностью; четвертый не мог брать из своего колодца воду, потому что в ней плавал мазут; а самого непонятливого поздним вечером избили до бессознательного состояния и забрали последние копейки.

В общем, было от чего расстроиться и попросить помощи у Всевышнего.

И тут появлялся, словно добрый ангел, ксендз Рудзевич. Он медоточивым голосом внушал обиженному людьми и судьбой, как хорошо живется тем, кого приняла в свои объятия католическая церковь.

Вылечив словесами душу, а принесенными лекарствами – если это было нужно – тело (познания в медицине для миссионеров были обязательны), ксендз не забывал и про материальную сторону дела.

Нет, он не лез в собственный карман, чтобы достать оттуда деньги. Рудзевич объявлял общий сбор прихожан и пускал шапку по кругу.

Конечно, это была демонстративная акция. Но она убеждала обращенных в веру с куда большим эффектом, нежели истории из жития святых и сказочки о райских куцах.

Глядя на всю эту комедию со стороны, Стах, главный виновник несчастий неофита, только посмеивался, в очередной раз убеждаясь, что люди по своей природе глупы и наивны.

– На этот раз ваше задание будет несколько иным...

Незнакомец глядел на Коповского не мигая – как змея.

– Подберите команду их двух-трех человек. Это должны быть надежные, не болтливые и крепкие парни примерно вашего возраста.

– Команда есть. Но за так работать никто не будет, – прямо сказал Стах. – Нужен аванс.

– А почему вы не спрашиваете, что предстоит сделать?

– Какая разница... – Коповский пожал плечами. – Все дело в «бабках».

– Что такое «бабки»?

«Э, да он иностранец!» – наконец сообразил Стах. – Неужели шпион? Ему только этого для полного счастья и не хватало...

– «Бабки», бабло, филки, грины, пенёндзы... – это деньги, пан. И чем их больше, тем лучше мои парни работают.

«Посмотрим, сколько он заплатит, – подумал Стах. – Если копейки, как Рудзевич, то разойдемся, словно в море корабли. Пусть на этого заграничного гаврика увальывает трактор; он железный, и в кутузку его не запрут».

«Родину по дешевке не продам!» – твердо решил Коповский.

– Деньги будут, – пообещал иностранец.

– Как только они у вас появятся, сообщите об этом Рудзевичу, – нагло ухмыльнулся Стах. – Он знает, где меня найти. Я ведь сказал, что без аванса дело не пойдет.

– Пан Стах, я бы на вашем месте вел себя скромнее...

В низком глуховатом голосе иностранца явственно прозвучала угроза. В глубине его глаз появились опасные оранжевые искорки. От него волнами исходила неведомая сила, подавляющая волю.

«Убьет, сука, и не почешется...», – мелькнула мысль в голове Коповского. Он почувствовал, как между лопаток загулял холодок.

Но сдаваться Стах не хотел.

– Что за намеки?! – спросил он, хищно прищурившись.

– Вопрос правомерен – между нами не должно быть никаких неясностей и недомолвок, – ответил ему иностранец. – Хотя бы потому, что мы братья по вере и будем делать одно дело. Учтите – я не хотел это говорить, но вы меня вынудили...

«Чертовы болтуны! – с тоской подумал Коповский. – Рудзевича хлебом не корми, дай ему язык почесать. И этот туда же...»

– Четыре года назад вы ездили в большой город и там нечаянно покалечили человека... – Иностранец глядел на Стаха, как на неразумное дитя. – Это случилось нечаянно, во время драки...

«Откуда он знает?!» – Коповский остекленел. Такого поворота молодой человек совсем не ожидал. Он мог поклясться, что об этом случае не говорил даже ксендзу на исповеди.

– И все бы хорошо, чего в жизни не бывает, да вот только тот человек – родственник одного богатого бизнесмена, который поклялся из-под земли достать обидчика своего двоюродного брата, прикованного к постели по вашей вине на всю оставшуюся жизнь. Кстати, по национальности они чеченцы...

«Матка боска! – ужаснулся Стах. – Мне кранты...»

Он хорошо помнил и тот вечер, и незнакомую компанию, к которой он примкнул, будучи в хорошем подпитии, и драку, возникшую неизвестно по какому поводу, и даже слышал хруст ломающихся костей противника, которого Стах швырнул через себя на гранитные ступеньки.

Наверное, он сломал тому парню хребет...

«Все, приплыли... Нужно сдаваться на милость этого хмыря, – с ненавистью подумал Стах. – Иначе стукнет чеченам – они меня из-под земли достанут».

– Будем считать, что мы договорились, ваше степенство, – подрагивающим от злобы голосом сказал Коповский. – Но только вы и я, – продолжал он из упрямства. – За остальных поручиться не могу. – И добавил мстительно: – В отличие от меня, их на крюк вы не посадите.

– Возможно...

Холодные глаза иностранца как будто потеплели.

– Но я не хочу, чтобы вы так считали. Мне нужен не безропотный слуга, раб, а инициативный помощник, которому я могу доверять. Забудем о том, что я тут говорил. А это... – Он достал из кармана плаща пачку денег. – Как вы изволили выразиться, «бабки» – аванс.

Стах машинально взял пачку – и у него глаза полезли на лоб. Ни фиги себе! Иностранец бросил ему с барского плеча пять «косых» «зеленью» – пять тысяч долларов!

Круто... За такие деньги его парни кому хочешь глотку перережут.

– Так мы договорились? – спросил загадочный иностранец. – Не волнуйтесь, деньги не фальшивые, – успокоил он Коповского, который как раз ломал голову над этим вопросом. – Это легко проверить.

«Он что, мысли читает? – подумал сконфуженный Стах. – Впрочем, какое мне до этого дело? Пусть читает. Теперь он мой босс – и этим все сказано. Похоже, мне повезло, Рудзевич не соврал. За этого человека нужно держаться руками и ногами...»

– Я готов, – ответил Коповский, спрятав деньги за пазуху. – Что нужно сделать?

– Скажу... послезавтра. Встретимся здесь же, но вечером, в девять часов.

– Может, вы хотите познакомиться с моими парнями?

– Нет. Видеть меня им незачем. Если понадобится, я объявлюсь.

– Я так понимаю, в случае чего связь будем держать через ксендза... – высказал предположение Стах.

– Ему о наших делах знать необязательно. Что касается связи... – Иностранец сунул руку в другой карман и вынул миниатюрное переговорное устройство; такие штучки Стах видел только в кино. – Приемник настроен на мою волну, – объяснил он неприятно удивленному Коповскому. – Это кнопка включения...

«Гад буду, этот гнусный тип – шпион... – с тоской подумал Стах. – Но теперь деваться некуда. Надеюсь, он не предложит мне взорвать атомную электростанцию или грохнуть президента. Тогда я точно пас, пойду сдаваться...»

На этот раз иностранец не прочитал мысли Коповского. Или сделал вид, что не понял, о чем думает его новый помощник.

– Все, расходимся, – сказал иностранец. – У меня – да и у вас – сегодня много дел.

– Это точно... – опуская глаза вниз, хмуро буркнул Стах и почесал в затылке.

Ему предстояла нелегкая задача – собрать свою бригаду и распределить деньги. В этот момент Стах мучился мыслью, сколько взять себе, а сколько бросить на круг.

Когда он поднял голову, его нового босса и след простыл. «А может, эта крючконосая оглобля и есть тот самый Черный Человек?» – подумал сильно смущенный Коповский.

Он принялся. И немного успокоился. Нет, адской серой в воздухе не пахло. И то ладно...

Повеселевший и почти счастливый Стах выкинул из головы дурные мысли и поспешил напрямик по сильно заросшей бурьяном тропинке к пивбару Жулинского. Там он надеялся отыскать своих дружков, которые тоже должны были мучиться похмельем.

Когда здание старой мельницы скрылось с виду, над местностью снова прозвучал мелодичный звон; он доносился откуда-то издалека. Но теперь он был тихим и унылым.

Однако приятно взволнованный Коповский, погруженный в радостные мысли, его не услышал.

Глава 4. Три могилы

Глеб смотрел на экран электронного металлоискателя собственной конструкции и тихо ругался сквозь сжатые зубы.

Прибор показывал и вовсе невероятное – по его данным выходило, что возвышенность, где находились Три Могилы, сплошь состоит из металла. В наушниках звучал даже не зуммер, а сплошной вой, будто рядом находилась взбесившаяся волчья стая.

– Блин!

Глеб в раздражении сорвал наушники и швырнул их на землю.

– Или схема накрылась, или здесь наблюдается магнитная аномалия огромной мощности, – сказал он, беспомощно разводя руками. – Но почему в таком случае компас никак не реагирует? Не понимаю...

– Говорил я тебе, что в нашем деле гораздо важнее интуиция, нежели всякие электронные штучки, – снисходительно улыбнулся отец.

– Но до этого прибор работал, как часы! Ты не можешь это отрицать.

– Работал. А теперь сдох.

– Техника...

Отец с пренебрежением поморщился.

Николай Данилович любил работать по старинке и на увлечение сына различными техническими приспособлениями, которые были призваны помогать в поисках кладов, смотрел как на юношескую блажь.

– Да ну тебя! – обиделся Глеб.

Он пребывал в полной уверенности, что прибор тут ни при чем. Это была его последняя разработка, построенная по принципиально новой методике и с применением самых современных комплектующих и электронных схем.

Прибор не только фиксировал наличие металлических предметов на большой глубине, но и мог их классифицировать. Глеб гордился своим изобретением и в душе сожалел, что не может его запатентовать.

Увы, психология потомственного кладоискателя не позволяла ему дать в руки конкурентов столь совершенную технику.

– Не психуй, – примирительно сказал отец. – Все уладится. Сделаем наше дело если не мытьем, так катаньем. Уж поверь мне. Карта не соврала, это точно. Есть у меня такое предчувствие. Все, шабаш. Пойдем ужинать...

Глеб выключил прибор, уложил его в футляр и уныло поплелся вслед за отцом к палатке, которую они поставили в укромном месте – чтобы ее нельзя было заметить ни с какой стороны. Сверху палатка была замаскирована травой и ветками.

Отец готовил суп из тушенки. Рыбы, наловленной Глебом на утренней зорьке, на уху не хватало, поэтому ее зажарили. Вместо хлеба у них были пресные лепешки. А в чай они добавляли листья дикой смородины и еще какие-то травы; в этом хорошо смыслил отец.

Очаг у них тоже был особенный.

Его сложили из дикого камня, – с таким расчетом, чтобы и ночью нельзя было увидеть огонь – а трубу вывели подальше, в кустарник, который рассеивал дым. Чтобы его было поменьше, дрова брали только сухие и несмолистые.

Такие предосторожности были вовсе нелишними.

Кладоискатели нередко становились жертвами или молодчиков, для которых избить, искалечить человека при случайной встрече где-нибудь в глухомани было забавой, или искалечителей легкой наживы, откровенных бандитов, которые собирались в шайки, чтобы отнимать у них добычу.

Глеб прихлебывал горячий ароматный чай и вспоминал...

Прошла уже неделя, как они разбили лагерь на холме возле трех курганов. Местность здесь была весьма необычной. Это они поняли сразу, как только переправились через речку и очутились у подножья возвышенности, увенчанной тремя курганами.

Во-первых, ее склоны были покрыты буйной растительностью в отличие от других холмов, там и сям разбросанных по обширной низменности.

Во-вторых, когда-то к ней вела дорога, вымощенная речными гольшами и кое-где булыжником. Теперь от нее осталась лишь хорошо просматриваемая сверху полоса, густо усеянная мелкими камешками, со скудной, ржавой растительностью.

В-третьих, дорога упиралась в лестницу, ведущую к трем курганам, насыпанным на вершине холма.

Заметить ее мог только профессиональный взгляд археолога. Время сильно сгладило ступени, везде рос кустарник и невысокие деревья, но Глеб сразу заметил террасы на лестнице – горизонтальные смотровые площадки, где, по идее, должны были стоять идолы или статуи богов, приветствующие паломников.

– Думаю, что здесь находилось древнее капище, – сделал заключение отец.

– Не уверен, – ответил Глеб.

Они уже осмотрели курганы и делились своими мыслями и соображениями.

– Почему? – удивился Николай Данилович.

– Капища, батя, закончились в начале второго тысячелетия нашей эры. По крайней мере, в этих местах. Это факт. А лестницу строили уже в Средние века.

– Ты это вычитал в книгах? – со скепсисом спросил отец. – С чего ты взял, что курганы насыпаны в Средневековье? По всем признакам, им как минимум полторы тысячи лет.

– Кто спорит... – Глеб улыбнулся. – Каменные основания могил, способ укладки камней, известь, которой засыпали покойников и которая хорошо просматривается даже в старых раскопах, – все это подтверждает твою версию. Но! – Он многозначительно поднял указательный палец вверх. – Ты заметил, – продолжил он, – что гранитные камни на ступеньках – те, которые кто-то выковырял, – не речная галька и гольши, а добыты в карьере и грубо отесаны. Мало того, они откуда-то привезены, потому что скальные обрывы холма природа сложила из некрепкого песчаника, малопригодного для дорожного строительства.

– Резонно...

Николай Данилович ненадолго задумался. Затем сказал:

– Получается, что сначала были насыпаны могилы, а затем, спустя тысячелетие, к ним проложили дорогу и сделали лестницу. С какой стати? Не думаю, что захороненные в могилах люди могли до такой степени заинтересовать средневековых богатеев, чтобы они решились вбухать кучу денег в заведомо неприбыльное предприятие.

– Верно. Согласен. Возможно, три кургана не были местом поклонения тех, кто делал террасы. Но могли быть таковым для строителей дороги – той ее части, которая имеет покрытие из речной гальки и гольшей. Интересно, зачем они ее сделали?

– Зачем? – как эхо, повторил отец.

– На такие расходы могли пойти только ради чего-то очень серьезного, скорее всего, имеющего большое религиозное значение. Что касается могил, то они послужили лишь подтверждением святости самого холма. Поэтому я считаю, что Три Могилы – это культовое место людей, живших в Средние века. Возможно, здесь собирались какие-нибудь раскольники или сектанты. Такова моя версия.

– Она имеет право на существование. Если бы не одно «но»...

Николай Данилович умолк, загадочно улыбнулся и начал раскуривать трубку. Сигареты он не курил, но раз или два в день Тихомиров-старший доставал расшитый бисером кисет,

доставшийся ему по наследству, и набивал трубку норвежским «капитанским» табаком с умопомрачительным запахом.

Глеб тоже не курил, однако запах отцовского табака ему нравился.

Он напоминал ему детство, когда клан Тихомировых собирался при свечах за вечерним чаем на веранде небольшой дачки, и убеленные сединами кладоискатели начинали свои бесконечные рассказы о найденных и ненайденных сокровищах, о разных приключениях и о том, как охранить себя от нечистой силы, которая всегда присутствует там, где лежат древние раритеты и золотые монеты.

– Батя, не темни! – разозлился Глеб. – Вижу, ты опять сел на своего любимого конька. Везде тебе чудятся тайны мадридского двора. Не напускай туману, выкладывай, что ты там еще заметил.

– Молодо – зелено... Я тебе говорил, что в нашем деле всегда нужно идти от частных к общему. А ты действуешь наоборот. Посмотри вон на тот валун.

Николай Данилович ткнул пальцем в сторону камня почти правильной кубической формы. Он находился на небольшой возвышенности, порос мхом и жесткой, как щетина, низкорослой травой, и был скрыт от глаз наблюдателей терновником. На фоне неба виднелась только его верхушка, плоская, как стол.

– Смотрю... Ну и что? Камень явно обработан. Это и ежу понятно. Он не привозной – такую глыбу и при современном развитии техники не так просто затащить на верхотуру. Значит, его вырубил из местного песчаника. Зачем это сделано? Поди знай...

– И это говорит дипломированный археолог...

Отец сокрушенно покачал головой.

– Зря я столько денег вбухал в твою учебу, зря, – сказал с деланным сожалением.

– За это на старости лет я буду кормить тебя с ложечки манной кашей, – парировал Глеб.

– Как же, от вас, молодых, дождешься... – буркнул отец с деланой обреченностью. – Ладно, не буду тебя интриговать. Давай подойдем к камню поближе.

Изрядно оцарапавшись, они пролезли сквозь терновник, поднялись на возвышенность и очутились возле каменной глыбы, которая была им по пояс. Только теперь Глеб заметил, что в центре камня выдолблено сферическое углубление, а на его сторонах высечены какие-то знаки.

Их почти не было видно из-за мхов, но юноша, раззадоренный отцом, замечал любые мелочи, на которые раньше мог просто не обратить внимания.

– Болван! – Глеб стукнул себя кулаком по лбу. – Ты прав, батя, – учить осла грамоте – только время и деньги зря тратить. Это же надо – не заметить очевидное! Но как ты догадался, что это жертвенник?

– Ну, насчет осла ты маленько загнул. А я тогда кто, мул?

Отец коротко хохотнул.

– Что касается жертвенника, – сказал он, снова став серьезным, – то у меня была уверенность, что он обязательно должен быть здесь. Этот камень стоит посредине обширной площадки, которая некогда была огорожена невысоким заборчиком. Потом сам посмотришь. Визуально заметить ограждение трудно, теперь на его месте лишь цепь бугорков, образующих квадратный периметр.

– Значит, ты был прав, определив Три Могилы как старинное капище, – молвил Глеб.

– Да. По крайней мере, многое говорит в пользу моей версии.

– Например, жертвенник... – подсказал Глеб с невинным видом.

– И жертвенник тоже. Тебе ведь известно, что после Крещения Руси всех волхвов и жрецов вырубил под корень во время восстаний в десятом и одиннадцатом веках.

– А дорога?

– Хочешь сказать, что в конце первого тысячелетия нашей эры люди не умели обтесывать гранит? Ты знаешь, что это не так. Но чтобы проверить истинный возраст булыжников, нужны лабораторные исследования. Твои выводы не более чем вольная трактовка фактов.

– Сдаюсь... – Смеясь, Глеб поднял руки вверх. – Логика у тебя, батя, железная. Итак, Три Могилы – древнее капище. На этом можно подвести черту в нашем споре.

– Несомненно. Кому тут поклонялись, с налета сказать трудно. Но, надеюсь, в процессе наших поисков мы найдем какие-нибудь зацепки и определим время постройки капища с большей точностью.

– Будем считать, что зацепки уже найдены.

– Не понял... Когда и кем?

– Найдены прямо сейчас, мной. Посмотри сюда...

Глеб начал осторожно очищать от мха одну из граней куба. Он боялся, что на выветрившемся песчанике рисунки начнут осыпаться.

Но они устояли – слишком тщательно и глубоко их вырубили. Похоже, здесь поработал хороший мастер, потому что линии рисунков были четкими, а окружности – правильными.

– Что это? – внезапно охрипшим голосом спросил Николай Данилович.

– Опровержение твоей версии, – с победными нотками в голосе ответил Глеб. – На этой грани высечена так называемая «звезда магов». У нее семь лучей, каждый из них соответствует дню недели. Вершина каждого луча обозначена символом одной из планет согласно халдейскому ряду, а линии, образующие лучи (начиная с Сатурна – субботы), показывают порядок управления днями. Символы поистерлись, но вот понедельник – полумесяц, воскресенье – круг с точкой посередине, пятница – круг с опрокинутым крестом...

– Да-а, уел ты меня...

Николай Данилович потрепал Глеба за вихры.

– Признаю – я ошибался. Выходит, что здесь не древнее капище, а место сборища средневековых магов высокого ранга, если судить по затратам, которые были произведены на оборудование этой возвышенности.

– Ну, насчет того, что ты ошибся, я не уверен, – сказал Глеб. – Когда-то здесь и впрямь могло быть капище. Похоже, холм обладает сильной энергетикой. (Да не похоже, а точно – вспомни, как ведет себя мой металлоискатель.) Культовые сооружения древности почти всегда ставились в таких местах. Что касается магов, то здесь у меня есть сомнения.

– Сомнения – движитель науки, – улыбнулся Николай Данилович. – И что тебя не устраивает в этой версии?

– Маги здесь отродясь не водились. Даже в те времена, когда эти земли принадлежали Великому княжеству Литовскому. И Ягайло, и Витовт, и князь Казимир на дух не переносили ни идолопоклонников, ни магов. Они изничтожали их огнем и мечом.

– Возможно. Но как все-таки объяснить присутствие алтаря-жертвенника?

– Можно только предполагать...

Глеб внимательно осматривал верхнюю часть жертвенника.

– Момент... – Он вырвал пучок травы и начал протирать камень сверху.

Свежая трава окрасила желтоватый песчаник в зеленый цвет, и кладоискатели неожиданно увидели, как вокруг сферического углубления начали проявляться светлые линии – мелкие углубления, процарапанные чем-то острым.

Постепенно они превратились в рисунки, и перед Тихомировыми появились изображения каких-то демонических существ.

– Бр-р-р... – Глеб невольно вздрогнул. – Какие уроды... Эти твари словно сошли с экрана американского фильма ужасов.

– Кажется, я догадываюсь, кто тут обретался... – задумчиво сказал Николай Данилович. – Скорее всего, это место сборищ секты средневековых сатанистов.

- Неужели они и тогда были? – удивился Глеб.
- Они всегда были. Только в разных обличьях. Некоторые носили даже сутаны и выбривали тонзуры. Маскировались.
- Разве их не преследовала инквизиция?
- Избирательно. Иезуиты – большие прагматики. Помнишь их девиз: «Цель оправдывает средства»?
- Естественно. Мировые религии мы проходили галопом, всего несколько лекций, но про орден Игнатия Лойолы я много чего читал.
- Если иезуитам что-то было нужно, они могли заключить союз даже с Люцифером. А возможности у них были большими. Не исключено, что дорога и алтарь – дело их рук.
- Но ведь это было опасно. Холм не спрячешь в рукав сутаны.
- Ты смотришь на местность глазами современного человека. Раньше здесь были непроходимые дремучие леса, полноводные реки, бездонные топи. Я так думаю, дорогу проложили пленники, которых потом для сохранения тайны утопили.
- Зачем была нужна дорога в глуши, да еще вымощенная камнем? Хватило бы обычной тропы. И расходы гораздо меньше, и не так наглядно.
- Должен тебе сказать, что в молодости езда верхом на лошади – удовольствие, а в преклонные годы – сплошные мучения. Когда у тебя подагра или радикулит, сидеть в седле – пытка.
- Значит, сюда приезжали не только рядовые члены секты... – задумчиво сказал Глеб.
- Понятное дело. А чтобы дорогой не пользовалось малочисленное местное население, ее заколдовали.
- Батя, не чуди. – Глеб скептически ухмыльнулся. – Все это сказочки для простодушных, суеверия. Не забывай, что на дворе двадцать первый век.
- Я это помню. «Колдовство» заключалось в том, что любой ступивший на дорогу к месту шабаша сатанистов назад никогда не возвращался. Как это достигалось, надеюсь, тебе понятно.
- Конечно, – подтвердил Глеб. – В лесах возле дороги стояли секретные посты и всем любопытствующим делали секир башка. Так появилась легенда о нечистой силе, которая водится в районе Трех Могил. Поэтому народ боялся сюда даже нос сунуть.
- Верно.
- Однако это не объясняет исчезновения многих наших коллег по ремеслу и экспедиции Академии наук уже в наше время. Если первых никто и не думал искать, то на поиск пропавших ученых были брошены даже военные. И ничего, ни единого следочка. Как это понимать?
- Не знаю, Глеб, не знаю...
- Отец нахмурился.
- Я человек несуеверный, сынок, тебе это известно, но все равно нужно ухо держать востро. Если что-то пойдет не так, смотаем удочки как можно быстрее...
- Глеб допил чай, с сожалением отставил в сторону пустую кружку, потянулся и посмотрел на звездное небо. «Все, на сегодня баста. Никаких воспоминаний. Иначе не усну до утра. Пора на боковую», – подумал он и сказал об этом отцу.
- Николай Данилович в этот момент заканчивал мыть посуду – сегодня была его очередь дежурить по кухне.
- Пора, – подтвердил и отец, с трудом сдерживая зевоту. – Настраивай свою «паутину».
- «Паутиной» они называли систему растяжек, наподобие той, что применялась во время боевых действий в Чечне. Только вместо гранат Глеб подвесил колокольчики.
- «Паутина», на которую пошло больше пятисот метров тонкой, но прочной лески и полсотни колокольчиков, окружала место, где стояла палатка.

Поэтому незаметно подобраться к ним во время сна могли разве что комары. Но для них кладоискатели припасли специальную жидкость собственного изготовления. Стоило побрызгать вход в палатку, и кровососущие твари к ней не подлетали.

Когда над Тремя Могилами появился месяц, отец и сын уже спали. На холме царила тишина, которую не нарушали даже порывы ветра.

Казалось, что воздушные струи обтекали возвышенность с двух сторон, словно она была кораблем-призраком, «летучим голландцем», и держала курс, воспарив над землей, на безграничный космический океан.

Отступление 1. Крест и роза

Патер Алоизий от неожиданности вздрогнул, когда перед ним выросла тощая фигура нового послушника, брата Бенедикта. Его отличали высокий рост и неестественно большой ястребиный нос. Он появился в монастыре полгода назад и имел дурную привычку материализоваться из воздуха и растворяться прямо на глазах.

Хотя ничего странного в этом не было. В коридорах и кельях монастыря царил вечный полумрак, а поэтому дальше трех-пяти метров взгляд не доставал. Кроме того, патер Алоизий страдал близорукостью.

Но брат Бенедикт все равно был исключительным случаем. Он ходил так тихо, что даже воздух не шевелился. Казалось, что он пушинка, лавирующая между воздушными потоками.

На самом деле брат Бенедикт, несмотря на худобу, имел немалый вес, был жилист и очень силен.

Когда монах рубил дрова, казалось, он делает это ради развлечения. Тяжелый топор-колун в его руках казался игрушечным. Брат Бенедикт никогда не уставал, ни на что не жаловался, был угрюм, малообщителен и неразговорчив.

Иногда патер Алоизий, грешным делом, думал, что брат Бенедикт совсем недавно сменил рыцарский плащ и шпоры на сутану и четки.

Но поинтересоваться у приора¹¹ прошлым новичка он не решался. Преподобный очень не любил чересчур любопытных. Несколько таких нарушителей монастырского устава, выполняя послух, роют подземные галереи вместе с пленными схизматами¹².

– У нас гости, – смиренно склонившись перед своим начальником, доложил монах.

Сегодня брату Бенедикту по очереди выпало быть привратником.

– Кто? – удивился и обеспокоился патер Алоизий.

Монастырь стоял в лесной глуши вдали от цивилизованного мира, и любые посторонние люди могли оказаться врагами веры. Поэтому он напоминал хорошо укрепленный замок, окруженный глубоким рвом, наполненным водой, с перекидным мостом и тяжелыми дубовыми воротами, окованными железом, которые трудно было проломить даже тараном.

Брат Бенедикт молча протянул патеру крохотный деревянный ящичек-пенал. Он был запечатан красным воском. Оттиск перстня на воске показался патеру на первый взгляд незнакомым.

– Подожди за дверью, – приказал патер монаху.

Ему очень не понравился цепкий, острый взгляд брата Бенедикта, когда Алоизий начал открывать пенал.

Монах вышел, и патер наконец справился с выдвижной крышкой пенала, служившего футляром для средневековой «визитки».

Внутри ящичка лежал массивный серебряный перстень с чернью. К нему было припаяно миниатюрное изображение креста из четырех роз, отлитое из золота.

Патер Алоизий почувствовал, как его мгновенно прошиб пот. Он благоговейно взял перстень, поцеловал его и спрятал в рукав сутаны. Там у него были пришиты маленькие карманчики, в которых хранилась всякая всячина.

– Брат Бенедикт! – позвал он своего подчиненного. – Впусти.

– Слушаюсь...

¹¹ Приор – настоятель небольшого католического монастыря.

¹² Схизматы – раскольники; обычно католики так называли православных христиан.

Монах бросил быстрый взгляд исподлобья на взволнованного патера и бесплотной тенью выскользнул из кельи. Спустя некоторое время раздался топот сапог, и в келью патера вошли двое мужчин.

Один из них, повыше, явно был рыцарем. Его загорелое волевое лицо, выдубленное солнцем и ветрами, обезобразивал шрам с левой стороны, который тянулся от скулы до подбородка. Светлые глаза рыцаря – то ли серые, то ли голубые – глядели на патера, не мигая; от них тянуло поздними весенними заморозками.

Рыцарь был одет просто, по-походному: суконный плащ коричневого цвета, кожаные штаны, синий бархатный камзол, на голове мисюрка-прилбица¹³, из-под которой выбивались длинные, тронутые сединой, черные волосы. У широкого пояса, окованного металлическими пластинами, висел длинный меч.

Его по-юношески проворный товарищ свободно мог сойти за оруженосца. Но высокий лоб с залысинами, ранние морщины, свидетельствующие о напряженном умственном труде, одухотворенное лицо мыслителя и ученого, а также руки в пятнах от химикалий выдавали в нем алхимика; уж в этом вопросе патер Алоизий знал толк.

Одежда алхимика тоже не отличалась изысканностью. Такой же, как у рыцаря, походный плащ, сапоги с высокими голенищами, забрызганные грязью, на голове большой, выдавший виды, берет. Алхимик был вооружен, но не двуручным мечом, как рыцарь, а легкой и изящной сарацинской саблей.

– Мир вам, святой отец...

Рыцарь слегка склонил голову.

– *Di te ament*¹⁴, – осторожно ответил патер Алоизий.

Патер пытался вычислить владельца перстня с розой и мечом. Судя по размерам, он мог принадлежать только рыцарю.

Впрочем, такие перстни редко надевали на пальцы и никогда не показывали посторонним. Обычно их носили на шее, как нательный крест – под исподней рубахой, на прочном гайтане.

Рыцарь не стал долго томить патера. Шагнув вперед, – с таким расчетом, чтобы его товарищ не видел тайного знака, который он изобразил на пальцах для Алоизия – рыцарь негромко произнес условленную фразу:

– *Gloria virtutis umbra*¹⁵.

– *Fortuna favet fortibus*¹⁶, – так же тихо, едва шевеля губами, ответил патер Алоизий.

Грубовато отесанное лицо рыцаря смягчилось и потеряло хищную настороженность. Он с удовлетворением кивнул и представился:

– Меня зовут Ротгер. А это брат Теофраст. Мы просим оказать нам гостеприимство.

При этом рыцарь оглянулся и выразительно посмотрел на дверь кельи. Патер многозначительно пищурил глаза, согласно кивнул и ответил:

– Для нашей скромной обители это большая честь...

И рыцарь, и патер знали, что в монастырях и стены имеют уши. У святой инквизиции длинные руки...

Алоизий позвал эконома, и тот, выслушав приказ патера, поспешил на кухню, чтобы распорядиться на предмет обеда для гостей. Дабы не смущать рыцаря и его товарища теснотой и спартанской простотой кельи, патер Алоизий пригласил их пройти в трапезную.

¹³ Мисюрка-прилбица – воинское наголовье; железная шапка с тульей, доходящей до лба.

¹⁴ Да хранят тебя боги (*лат.*).

¹⁵ Слава – тень добродетели (*лат.*).

¹⁶ Судьба помогает сильным (*лат.*).

Монахов кормили в другом крыле здания. Туда отвели кнехтов¹⁷, сопровождавших рыцаря и алхимика. А помещение, куда привел патер своих гостей, предназначалось для приема высокопоставленных особ.

– Как вы добрались? – исполняя долг вежливости, спросил патер, когда гости уселись за стол и им было предложено вино.

– На нас устроили засаду, – меланхолично ответил Ротгер, с удовольствием прихлебывая густое и ароматное монастырское вино. – Давно я так не веселился...

– А у меня душа в пятки ушла, – весело скаля крепкие зубы, подключился к разговору Теофраст. – Думал, что нам конец.

– И тем не менее твоя сабля жажду крови утолила, – благожелательно улыбнувшись, сказал Ротгер.

– Все получилось случайно, брат Ротгер. Он сам на нее наткнулся.

– Притом два раза. Но не это главное. Брат Теофраст спас нам жизни.

– Позвольте полюбопытствовать – каким образом? – спросил заинтересованный патер.

– Он предупредил нас о засаде. Это было чудо. Как он сумел разглядеть разбойников на расстоянии, за деревьями, мне непонятно. И не только рассмотрел, но и почти точно сосчитал их численность.

– Чудеса случаются значительно реже, чем нам хотелось бы, – ответил Теофраст. – Мне помогла наука. И наблюдательность. Сие качество для ученого – один из главных столпов, на котором держится его мир.

– Жаль, что тебе не пришлось драться вместе с нами в битве при Гельмеде¹⁸, – проворчал рыцарь и потрогал шрам, изуродовавший его лицо.

– Это почему? – спросил алхимик.

– Тогда ты предупредил бы Великого магистра ордена, что русские держат наготове засадный полк. И нам не пришлось бы сначала спасаться в болотах, а затем есть ужей и лягушек, чтобы не помереть с голоду и выбраться к своим.

– В те времена я был еще ребенком, – сказал Теофраст. – Увы...

– А я служил оруженосцем у комтура¹⁹, и было мне... – Ротгер на миг задумался. – Сколько же мне было? Сосчитаем... Да, точно – пятнадцать лет.

Туманный намек Теофраста на науку, которая помогла ему вычислить место засады, патер не понял и хотел продолжить расспросы, но тут появился эконом и два монаха, которые сноровисто сервировали стол и добавили свечей – уже начало темнеть.

Быстро ополоснув руки и лицо от дорожной пыли и еще быстрее пробормотав слова молитвы, Ротгер и Теофраст с жадностью набросились на яства, запивая их поистине богатырскими порциями молодого виноградного вина.

(Вино – пять бочек – доставили с оказией, которой оказался брат Бенедикт.)

Кроме вина обоз доставил в монастырь свечи, порох, пять кулеврин²⁰, два десятка кремневых ружей, а также свинец и формы для отливки пуль.

Теперь монахи два раза в неделю упражнялись в стрельбе, радуя Алоизия и сильно раздражая приора, – он был немолод, часто болел, а потому не любил шума, который мешал ему отдыхать и молиться.

Но монастырь являлся форпостом католицизма во враждебном окружении схизматов, и монахи были обязаны защищать свою веру не только словом, но и оружием. В ответ на недо-

¹⁷ Кнехты – слуги (*нем.*); в данном случае вооруженная охрана рыцаря, всадники.

¹⁸ Битва Ливонского ордена с русскими войсками в 1501 году, где рыцари потерпели поражение.

¹⁹ Комтур – управляющий укрепленным замком Ливонского ордена (который был филиалом Тевтонского ордена в Прибалтике).

²⁰ Кулеврины – длинноствольные артиллерийские орудия (XV–XVIII вв.) различных калибров (диаметр канала 4,2–24 см), применяющиеся для точной стрельбы на дальние расстояния.

вольство приора патер напоминал ему эту прописную истину, и старец, сокрушенно вздыхая, соглашался с его доводами.

Удалившись в свои покои, приор затыкал уши воском и предавался радужным воспоминаниям о прошлом, когда он был здоров и силен, зимы не были такими холодными, а ночи – такими бесконечно длинными. Из-за слабого здоровья он мало вникал в хозяйские дела монастыря, предоставив заниматься ими своему заместителю, патеру Алоизию.

Однако патеру было хорошо известно, что у приора есть доверенные люди, которые докладывают ему обо всем, что творится в монастыре, а главное, о промахах заместителя.

Это обстоятельство сковывало инициативу Алоизия, мешало выполнять поручения братства Креста и Розы, потому что его немощный и очень богобоязненный начальник, когда дело касалось веры, становился жестоким и непримиримым.

Узнай приор о том, что Алоизий принадлежит к братству, у патера не осталось бы иного выхода, как принять быстроедействующий яд. С еретиками – настоящими или мнимыми – католическая церковь и ее главный карательный орган, инквизиция, особо не церемонились.

Насытившись, гости повели себя по-разному. Теофраст, который был слабее физически, а потому менее выносливым, нежели его старший товарищ, едва не уснул прямо за столом. Поэтому два монаха взяли сильно захмелевшего алхимика под руки и отвели в опочивальню.

Что касается Ротгера, то он лишь посмеивался, глядя на осоловевшего Теофраста, и не выпускал кубка с вином из рук. Патер втихомолку дивился способности рыцаря много пить и не хмелеть, однако помалкивал.

Но Ротгер заметил удивление гостеприимного хозяина и охотно объяснил истоки стойкости своего организма перед винными парами:

– Мне довелось вместе с посольством нашего ордена почти год прожить в Московии. Должен сказать честно – тамошние рыцари и в драке, и в застолье настоящие богатыри. Немногие из наших рыцарей могли сравниться с ними в этом деле.

Ротгер ухмыльнулся и постучал костяшками пальцев по опустевшему кубку; юный монашек, который прислуживал за столом, заметив многозначительный жест гостя, поторопился наполнить кубок вином.

– Больно уж вина у русов крепкие, – сказал рыцарь с мечтательным выражением на лице. – Но я стал там одним из самых стойких среди охраны посольства. Год каждодневных тренировок не прошел даром.

– Схизматы, хлопы... – презрительно прошипел патер Алоизий, кровь которого тоже была изрядно подогрета спиртным. – С ними можно говорить только огнем и мечом! – продолжал он запальчиво. – Пока мы занимаемся словоблудием, они не дремлют. Под власть великого московского князя уже полностью перешли чернигово-северские земли, под ударами дружин московитов пал Смоленск, в очереди на присоединение к Московии стоит Рязанское княжество...

– Что верно, то верно, – охотно согласился Ротгер. – Но не нам судить деяния отцов нашей церкви и Великого магистра. С их высокой колокольни виднее, куда путь держать. Мы еще свое наверстаем, в этом я уверен.

Не отрываясь, он опорожнил кубок и встал.

– Что-то душно стало... – сказал рыцарь, многозначительно глядя на патера Алоизия.

Патер понял гостя с полуслова.

– Не хотите ли прогуляться на свежем воздухе? – предложил он с отменной любезностью. – Перед сном это полезно.

– С превеликим удовольствием, – ответил Ротгер.

И быстрым, стремительным шагом направился к входной двери.

Резко распахнув ее, он выглянул в плохо освещенный коридор. Огненные языки факелов, освещавших мрачные стены, трепетали, словно по коридору пронесся порыв ветра. Но коридор, к удивлению рыцаря, был пустынен, и ни единый звук не нарушал ночное безмолвие.

Озадаченный рыцарь послунывил палец и поднял его вверх. Воздух в коридоре был почти неподвижен.

– Та-ак... – пробормотал себе под нос Ротгер. – Здесь были длинные уши. И быстрые ноги. Что, в общем, не удивительно. Но вот в чем вопрос: это простое любопытство кого-нибудь из братии, вызванное приездом в монастырь новых людей, что само по себе большое событие, или?..

Монастырский двор был обширен и вымощен камнем. По приказанию патера монахи зажгли жировые светильники, но Алоизий и рыцарь удалились в темноту, откуда хорошо просматривались все входы и выходы.

В том месте, куда патер привел гостя, стояла дубовая скамья, над которой склонились две ивы. Там же находился питьевой фонтанчик в виде стелы с головой льва; из открытой пасти царя зверей бил удивительно холодный ключ. Вода падала в небольшой резервуар, обложенный диким камнем.

Излишки воды из резервуара стекали в подземные цистерны. В них хранился неприкосновенный запас животворящей жидкости на случай осады монастыря.

Вокруг резервуара монахи разбили цветочные клумбы, и двор полнился приятными запахами.

Цветы были слабостью патера Алоизия, и он предавался ей с самоотверженностью запертого в каменной темнице узника, который, за неимением товарищей по несчастью, всю свою нерастраченную любовь к ближнему направляет на мышь, прогрызшую ход в его камеру.

– А у вас тут ничего... – сказал рыцарь, плеснув на лицо пригоршню ключевой воды. – Только вот какая беда – в монастыре крысы завелись.

– Вы заблуждаетесь! – воскликнул патер. – Эти мерзкие твари здесь никогда не водились. Мыши – да, это есть, но чтобы крысы...

– Вы меня не поняли, святой отец. Я говорю о двуногих крысах. Нас подслушивали.

– Езус-Мария! – Алоизий перекрестился. – Не может быть!

– Еще как может, уж поверьте мне. Моей специальностью в ордене были шпионы и отступники. Думаю, что среди вашей братии затесался иезуит. Я их чую, как волк паршивых псов.

– Неужели они что-то пронюхали?! – Патер помертвел. – Если это правда, мы погибли.

– Не так страшен черт, как его малюют, – снисходительно сказал Ротгер. – Достать нас здесь они не смогут. Но ежели все-таки попытаются, то, как вы знаете, места тут опасные, леса дремучие, в них недолго и заблудиться, а топи глубокие – бульк, и нет человека...

– Мне бы вашу уверенность, пан рыцарь, – буркнул Алоизий.

– Она зиждется не на песке, святой отче, а на добротном каменном фундаменте, – серьезно ответил гость. – Мы получили ваше послание, – понизил он голос до шепота. – Магистр и капитул²¹ дали указание основать здесь наше святилище. Если, конечно, все написанное вами – истинная правда.

– Клянусь Крестом и Розой, святыми символами нашего братства! – горячо ответил патер.

– Для проверки вашего сообщения и чтобы принять окончательное решение, орден послал ученого брата Теофраста. Вам он должен быть известен под именем Парацельс²².

²¹ Капитул – в католических духовно-рыцарских и монашеских орденах коллегия руководящих лиц.

²² Парацельс (1493–1541 гг.) – Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм; знаменитый врач и естествоиспытатель Средневековья.

– Парацельс?! – поразился Алоизий. – Невероятно – великий ученый и врач в наших палестинах... Его слава опередила молву. А разве он?..

– Один из посвященных, – кивнул рыцарь. – Ему можно доверять почти все. За исключением шифра для переписки, вверенного вам Коллегией Святого Духа, и системы тайных знаков, при помощи которых общаются достойнейшие. Нужно, чтобы брат Теофраст не испытывал в своих исследованиях никаких затруднений.

– Что я должен для этого сделать?

– Требуется обширное помещение с надежной дверью и не менее надежными замками, чтобы монастырская братия не совала туда нос. Лучше всего для наших целей подойдет полуподвал с камином и окнами, забранными решеткой.

– Есть такое помещение, – кивнул патер. – Завтра с утра мы наведем в нем порядок.

– Оно должно хорошо проветриваться и не быть сырым. Позаботьтесь, чтобы там были столы для опытов, две-три скамьи, шкафы с полками для реторт и колб, удобное мягкое кресло и много светильников. Брат Теофраст не любит полумрак. Остальные пожелания по обустройству алхимической лаборатории он передаст вам завтра в личной беседе. В обозе, который прибыл вместе с нами, находятся сундуки с его имуществом. Я приказал выставить возле возов охрану. И вижу теперь, что она нелишняя.

– Кто бы это мог быть? – негромко спросил патер сам себя.

– Узнаем, – расслышав шепот Алоизия, ответил Ротгер; он обладал хорошим слухом. – Предупрежден, значит, вооружен. Так говорили древние. Верно говорили.

– *Deo volente*²³, – ответил пастор.

– И еще одно... – Ротгер неожиданно затих и прислушался.

Ему показалось, что где-то неподалеку раздался шорох. Но сколько он ни напрягал зрение и слух, вокруг царило спокойствие и умиротворяющая ночная тишина, которую нарушили лишь сверчки и кваканье лягушек в наполненных водою рвах за стенами монастырской обители.

– И еще одно, – повторил рыцарь, стараясь обуздать свою подозрительность. – Я заметил рядом с монастырем необитаемую крепость. Чья она?

– Монастырь строился, когда крепость уже существовала. Кто ее тут поставил – сие большая загадка. Как раз в крепости и было найдено то, ради чего приехал брат Теофраст.

– Да? – Рыцарь заинтересованно обернулся к патеру. – Расскажите, святой отец, как это было?

– Мы копали тайный подземный ход к замку – ну, вы понимаете, на всякий случай – и наткнулись на замурованную камеру. Когда ее вскрыли, то все были поражены – она была освещена!

– Даже так... – невольно вырвалось у Ротгера; он был поражен.

– Свет исходил от стен. Источник свечения мы так и не смогли определить. Посреди камеры было возвышение, на котором стоял ларец. В нем ОНА и находилась.

Алоизий сказал последнюю фразу, понизив голос до едва слышного шепота, и боязливо оглянулся, словно боялся, что позади кто-то стоит.

– И что было потом? – нетерпеливо спросил рыцарь.

– Ларец мы забрали, пролом в стене заложили камнями, а подземный ход провели в обход камеры. Все.

– Занятная история... Никогда бы не поверил. Но факт есть факт, который все равно требует тщательной проверки. На этом особенно настаивает капитул. Кто еще знает о вашей находке?

Немного поколебавшись, патер ответил:

²³ Дай бог (*лат.*).

– Только эконо́м. Но он тоже посвященный, наш брат.

– А землекопы и другие монахи, в частности приор?

– Приор пребывает в неведении. Я решил не смущать его слабый ум загадочным явлением, которое он мог бы принять за происки дьявола. Из монахов о ларце знал только распорядитель работ. – Патер придал лицу скорбное выражение, хотя и было темно. – Но с ним в тот же день случилось несчастье...

– Наверное, завалило в одном из подземных тоннелей, – высказал предположение Ротгер и с пониманием осклабился.

– Вы угадали, – с грустью в голосе ответил Алоизий. – Мы скорбим о нем, он был верным сыном церкви...

– О землекопах я уже не спрашиваю...

– Это были всего лишь схизматы, захваченные в плен доблестными рыцарями Ливонского ордена, который, как вам известно, покровительствует нашему монастырю.

В мягком, убаюкивающем голосе патера прозвучали резкие металлические нотки.

– Амен, – закончил его повествование Ротгер. – Мне нравятся ваша решительность и преданность ордену, святой отец. И не только мне. Я уполномочен передать вам устную благодарность магистра и его благословение. Можете не сомневаться – ваши деяния ради высшей цели нашего братства не остались незамеченными.

– Благодарю, – взволнованно ответил патер. – Жизни не пожалею...

– Так вот, касательно замка, – невежливо перебил рыцарь Алоизия; все-таки спиртное и на него подействовало. – Я хочу разместить там своих солдат. Как вы понимаете, нравы и поведение у них совсем не монашеские. Поэтому, во избежание эксцессов, мы должны жить отдельно. Тем более, что вскоре к нам придет подкрепление. В мире стало очень неспокойно...

– Это благая весть, – обрадовался патер. – Мы поможем в обустройстве замка. Правда, людей у нас маловато...

– Сия беда поправима, – угрюмо ухмыльнулся рыцарь. – Через день-два, после небольшого отдыха, мой отряд хорошо почистит окрестные леса. Думаю, там мы найдем и землекопов, и каменщиков, и плотников...

– Мудрое и своевременное решение. Схизматы совсем обнаглели. – Голос Алоизия снова затвердел. – Но есть одно препятствие, которое не так просто преодолеть и которое может помешать нашим планам...

– Оно столь очевидно, что не стоит о нем и говорить, – криво ухмыльнулся Ротгер. – Магистру и капитулу известно о болезни приора. О смертельной болезни приора, – с нажимом повторил рыцарь. – Поэтому принято решение найти ему замену. Естественно, после его смерти.

– После смерти... – повторил, словно эхо, патер Алоизий, дрожа от непонятого возбуждения. – Но приор пока не думает умирать, спаси его Господь...

– Кто знает, кто знает...

Рыцарь сунул руку за пазуху и достал оттуда небольшой пакет, покрытый для водонепроницаемости прозрачным лаком.

– Здесь, святой отче, указ епископа о вашем назначении на должность приора с открытой датой, которую потом вы поставите сами.

– Но...

Патера Алоизия бросило в жар; в этот момент Ротгер показался ему дьяволом-искусителем.

– Астрологи предсказали, что приор умрет не позднее следующей недели, – безапелляционно сказал рыцарь. – А епископ просто не имеет права оставлять отвоеванный у схизма-

тов монастырь, этот форпост веры в варварских землях, без главы и твердой руки, ибо враги церкви не дремлют.

Оба, как по команде, умолкли. Больше говорить было не о чем. Алоизий был возбужден до крайности, а рыцаря потянуло на сон, о чем он и доложил патеру.

Проводив Ротгера в его покои, Алоизий закрылся в своей келье и, упав перед распятием на колени, начал истово молиться.

Ни тот, ни другой не могли видеть, как на высоте трех-четырёх метров от монастырской стены, возле которой находилась скамья, где беседовали Ротгер и Алоизий, вдруг отделилась тень и начала быстро ползти вверх, к площадке для стрелков. Тень напоминала огромную летучую мышь и по цвету мало отличалась от камней, из которых была сложена стена.

На площадке тень превратилась в человека, одетого в длинный плащ. Смотав веревку, по которой он поднимался, человек-тень осторожно и бесшумно миновал часового, внимание которого в этот момент было занято не тем, чем нужно, – монах с аппетитом жевал кусок хлеба, запивая его вином из фляжки, и с глубокомысленным видом считал звезды – и скрылся в сторожевой башне.

Над монастырем медленно поднималась большая луна. Она была неестественно красного цвета. Боги предвещали бури, катаклизмы и реки крови.

Но некому было истолковать это знамение – люди знающие мудро помалкивали, занятые добыванием хлеба насущного, а остальные, в том числе богатые и знатные, влачили свое ярмо в будущее. Одним оно казалось светлым и прекрасным, а другим – дорогой к апокалипсису.

SUPRA NOS FORTUNA NEGOTIA CURAT²⁴.

²⁴ Судьба вершит дела, минуя нас.

Глава 5. Грабители

Стах измаялся в ожидании дела, на которое его подписал иностранец. Черный Человек, как продолжал его именовать про себя Коповский, вышел на связь по мобильному переговорному устройству в условленное время. Но вместо того, чтобы поставить задачу, сказал, что нужно немного подождать.

Поэтому Стах места себе не находил, даже спал плохо и во сне начал разговаривать. Ему хотелось как можно быстрее выполнить задание и навсегда распрощаться с нехорошим иностранцем, который теперь чудился ему за каждым углом, особенно в темноте.

В отличие от Коповского, его товарищи чувствовали себя превосходно. Он взял в свою команду только двоих, здраво рассудив, что так ему достанется больше «зелени», которую дал (и еще даст, как обещал) иностранец.

День начался по обычному, давно устоявшемуся, сценарию – с посещения пивной Жулинского. Заказав пива и немудреную закуску, состоящую из соленых орешков и вяленых кальмаров, компания расположилась под навесом.

– Вот повезло, так повезло, – разглагольствовал Анджей, с довольным видом поглаживая вздувшийся от пива живот. – Так работать я готов всю оставшуюся жизнь. Клиент платит, правда, пока непонятно за что, но какая нам разница? Солдат спит, а служба идет. Верно я говорю? Еще неделю назад мне приходилось сшибать копейки на опохмелку у знакомых и своих стариков. А сегодня сам могу угостить кого угодно.

– Ендрусь, не трынди! – раздраженно сказал Стах. – Здесь не только мы. Вон старый лис Жулинский который день кругами возле нас ходит. Уши у него, как у слона, он все слышит и на ус мотает.

– Уши можно при надобности и остричь, – меланхолично заметил третий участник застолья, забавляясь ножом с выкидным лезвием. – А усы сбрить... вместе с верхней губой.

Его звали Збых. Он был хладнокровен до полной отмороженности и пускал в ход нож или кастет, не задумываясь.

Светло-голубые ничего не выражающие глаза Збышека смотрели на собеседника не мигая. Его холодный взгляд даже у Стаха, не отличающегося большой впечатлительностью, вызывал чувство настороженности и опаски.

Обычно Коповский редко имел общие дела со Збышеком. Он боялся, что тот может сорваться и потащить его за собой в кутузку.

Стах пригласил на дело Рыбу (так кликали Збыха с детства) только по одной причине – в случае чего его приятель может спокойно, не дрогнувшей рукой, сделать в шкуре Черного Человека несколько лишних дырок.

Сам Коповский на такое не согласился бы даже под пистолетом. Иностранец вызывал в нем очень неприятное чувство первобытного страха. Так мандражировал его далекий предок, сидя в пещере, перед которой прохаживался голодный саблезубый тигр.

Что касается Анджея, то он в намечающемся предприятии должен был выступать в качестве рабочей лошадки. Ендрусь обладал поистине бычьей силой и такими же мозгами. Он был простодушен, глуповат и добр, а на всякие «подвиги» под руководством Коповского его толкала нищета.

– Климпу в психушку сдали, – сообщил новость Анджей.

– Да ну? – вяло удивился Стах. – Кто же это у нас такой отзывчивый и добрый?

– Старуха Живалкова.

– Надо же...

Коповский ухмыльнулся.

– Что-то я не припоминаю, – сказал он, – чтобы она была замечена в большом человеколюбии. Или Климпа ее достал?

– Не совсем так, – ответил Анджей. – Просто он как встал на колени посреди двора два дня назад, так и не сходил с места, пока не прибыла машина «скорой помощи».

– Что он там делал?

– Молился.

– И ночью тоже?

– Ну... Живалкова говорила, что, по ее подсчетам, Климпа проторчал на коленях пятьдесят два часа.

– Похоже, она стояла над ним с секундомером, чтобы зафиксировать рекорд для Книги Гиннеса. – Стах, который понемногу начал хмелеть, заразительно рассмеялся; парни невольно последовали его примеру.

– А кто это? – спросил Анджей, когда все умолкли.

– Ты о ком спрашиваешь? – недоуменно спросил Стах.

– Ну, этот... как его?... Гинеш.

– Гиннес, – поправил приятеля Коповский.

Его снова начал распирать изнутри смех, но он сдержал этот спонтанный порыв. При всей своей наивности и простоте Анджей был очень обидчив и злопамятен.

Стаху хорошо запомнился один момент в их совместных похождениях. Как-то при посещении райцентра Анджей неожиданно подошел к небольшой группе молодых людей и небрежным движением сокрушил самому крупному из них челюсть.

От такого поворота даже задира Коповский оторопел, хотя и был в хорошем подпитии, когда человеку море по колено. А что тогда говорить о молодых людях, которые бросились поднимать обеспамятевшего дружка. Они вообще были в шоке.

Но самое интересное – никто из них даже не подумал ответить обидчику. И понятно, почему – Анджей был ростом под два метра, косая сажень в плечах и с кулаками, словно пудовые гири.

Сделав свое дело, он спокойно развернулся и продолжил путь, как ни в чем не бывало.

Когда Стах кратко спросил его «зачем?», Анджей ответил: «А он мне в пятом классе руку сломал». Стах понимающе кивнул – как раз в это время семья Анджея переехала из райцентра в поселок, где его отцу предложили какой-то руководящий пост.

Поэтому Анджей и не смог отомстить своему обидчику сразу, по горячим следам...

Этот случай крепко врезался в память Стаху. Больше он никогда не позволял себе никаких глупых шуток и розыгрышей по отношению к Анджею, который не отличался большим умом и остротой мысли.

– Книга Гиннеса – это энциклопедия всяких дурацких рекордов, – сдержанно ответил Коповский. – Например, кто дольше других простоит на голове или одной ноге, кто поднимет самый тяжелый груз, кто съест больше всех спагетти или выпьет пива... В общем, эта книга – библия чокнутых.

– Клево...

У Анджея загорелись глаза.

– Надо купить, – сказал он задумчиво. – Где эта книга продается?

– Закажи по почте, – ответил Стах. – Зачем она тебе?

– Интересно... Не знаешь, сколько пива выпил чемпион?

– Думаю, что очень много, – ухмыльнулся Стах, поняв, куда клонит приятель. – Нужно долго и усиленно тренироваться, чтобы стать чемпионом.

Анджей промолчал. Но по его виду Стах понял, что он загорелся идеей попасть на страницы книги Гиннеса. Ендрусь и впрямь мог выпить за короткое время литров двадцать пива.

Неожиданно Стах услышал тихий зуммер. Это ожило переговорное устройство, с которым он не расставался ни на миг. Он торопливо достал его из кармана, включил и услышал знакомый голос:

– Сегодня. Место сбора – старая мельница. Время – десять часов вечера.

Коповский открыл рот, чтобы кое-что уточнить, но иностранец уже дал «отбой». Впрочем, каких-то дополнительных инструкций ему не требовалось – Черный Человек заранее предупредил, что они все узнают в последний момент.

– Все, мужики, закругляемся...

Стах решительно встал из-за стола.

– До вечера, – продолжил он, – нужно хорошо выспаться и протрезветь.

– Классная мобила... – сказал Збышек. Не отрываясь, он смотрел на переговорное устройство. – Где взял? – спросил Збышек с интересом.

До этого момента никто из будущих подельников Стаха не знал, что у него есть средство для общения с работодателем на расстоянии. Теперь уже не было смысла таиться и осторожничать – они шли на дело, где связь могла понадобиться в любой момент.

– Купил, – недовольно буркнул Коповский. – Пусть тебя это не волнует. Наденьте спортивные костюмы и кроссовки. И чтобы в карманах не было никаких бумаг, а тем более – документов.

– Учи отца щи хлебать, – снисходительно сказал Збышек. – Не беспокойся, все будет в ажуре. Где и когда сбор?

Понизив голос до шепота, Стах объяснил. Анджей и Збышек, допив свои бокалы, ушли, предоставив своему главарю рассчитывать с Жулинским за весь стол.

Такого уговора не было, но Стах промолчал. Ему было не с руки ссориться со своими друзьями перед серьезным делом.

А что оно будет именно таким, Коповский уже не сомневался...

Дождавшись, пока приятели скроются за строениями, Жулинский быстро разогнал остальных выпивох и закрыл окошко будки, повесив табличку с надписью «Буду через час». Затем он достал спрятанный за ящиками переносной магнитофон, перемотал запись и включил воспроизведение.

«... Так работать я готов всю оставшуюся жизнь, – раздался голос Анджея. – Клиент платит, правда, пока непонятно за что, но какая нам разница? Солдат спит, а служба идет...»

Дослушав разговор приятелей до конца, Жулинский выключил магнитофон и от волнения отхлебнул прямо из горлышка добрый глоток сливовицы домашнего приготовления.

Он давно следил за Стахом и его друзьями. И вовсе не по своей воле. Его заставил это делать участковый Червиньский, еще та бестия. Он был из местных и знал подноготную каждого жителя поселка.

Конечно, по-доброму Жулинский никогда не стал бы стукачом. Он этого не делал даже в годы культа личности, так как тогда полякам нужно было вести себя тише воды и ниже травы, чтобы о них пореже вспоминали.

А сексот уже был засвечен самим своим существованием и нередко возглавлял колонну тех, на кого писал доносы в НКВД, когда врагов народа отправляли в сибирские и колымские лагеря. Верно говорит народная мудрость: доносчику – первый кнут.

Червиньский поймал его на торговле самогоном, что считалось незаконным вдвойне, так как старый пройдоха не имел лицензии на торговлю спиртным. А это была очень доходная статья семейного бюджета Жулинских при новой демократии.

Самогоном у него был разных сортов, крепости и качества. Для пьянчуг, которым было все равно, что пить, лишь бы подешевле, Жулинский наливал неочищенный «вырвиглаз» из сырой сахарной свеклы; для клиентов посолидней шел в ход забористый «самардык» из сахара или патоки, обработанный марганцовкой и древесным углем, иногда настоянный на дубовой коре

и чае; а для тех, кто понимал толк в спиртном и кто был уважаемым в поселке человеком, он держал сливовицу, очищенную по высшему разряду.

Поставленный Червиньским перед выбором «быть или не быть» – закрыть свое доходное место или стучать на клиентов – Жулинский сдался на милость хитроумного мента.

И с той поры участковый получал местные новости, что называется, с пылу с жару, и имел возможность упреждать преступления поселкового масштаба или брать преступивших закон еще тепленькими.

Для большей эффективности своих трудов на поприще доносительства Жулинский оборудовал все столы микрофонами и мог подключать их на выбор. Сегодня он настроился на компанию Стаха, за которой Червиньский просил приглядывать повнимательней.

«Похоже, мент оказался прав, – с тревогой думал Жулинский. – Стаха и его дружков наняли для какого-то серьезного, возможно, кровавого дела. Это несомненно.

Нужно срочно сообщить Червиньскому! – решил Жулинский после нескольких глотков сливовицы. – Пусть разбирается, ему и карты в руки. Гляди, спасет чьи-то жизни, а парней от кутузки. Конечно, по Збышеку давно тюрьма плачет, Стах уже там был, а вот Анджея жалко. Он неплохой хлоп...»

Приняв такое решение, он поднялся, обернулся к входной двери – и застыл, как вкопанный. Там стоял неизвестный ему человек в темной одежде и сверлил его страшными черными глазами. Жулинский мог поклясться, что закрывал дверь на ключ, и все равно незнакомец как-то сумел зайти внутрь.

– Вы... вы как?.. Вы кто такой!?

Не ответив на вопрос, незнакомец схватил Жулинского поистине железной рукой за горло и поднял на добрых полметра над полом, хотя хозяин пивнушки весил не менее семидесяти килограммов.

– Если хочешь жить, забудь то, что слышал.

Слова незнакомца долетали до Жулинского словно издалека.

– ...Забудь, что на свете существует Стах и его компания. Но обо мне помни. Всегда помни. Если ты отвяжешь свой поганый язык, я приду снова и вырву его с корнем. И не спасет тебя никто – ни власть светская, ни власть высших сил.

Незнакомец бросил полузадушенного Жулинского на пол, забрал магнитофонную кассету с записью разговора парней и вышел из ларька, плотно прикрыв за собой дверь.

Хозяин пивной очухался нескоро. Произошедшее казалось ему кошмарным сном. Гипнотизирующий взгляд незнакомца всякий раз появлялся перед его внутренним взором, едва он смыкал веки.

Это было настолько ужасно, что Жулинский заскулил, как побитый пес, роняя на грязный, затоптанный пол тяжелые слезы.

Жулинский не выходил из пивной часа два; он боялся, что незнакомец еще не ушел и бродит где-то поблизости. Возможно, он просидел бы взаперти до самого вечера, да не дали постоянные клиенты.

Раздосадованные его долгим отсутствием, они начали пинать дверь ногами и обзывать Жулинского разными нехорошими словами.

Когда он толкнул дверь, чтобы выйти наружу, у него ушла душа в пятки – она оказалась запертой на ключ! Чувствуя, что начинает терять сознание, Жулинский вставил ключ в замочную скважину, повернул и вывалился на улицу, жадно вдыхая свежий воздух широко открытым ртом...

Стах пришел к старой мельнице загодя, на полчаса раньше назначенного времени. И совсем не удивился, когда увидел там подержанные «жигули».

Он отворил незапертую дверку и с удовлетворением хмыкнул, найдя ключ от замка зажигания на водительском сиденье. Там же лежал пакет, в котором находилась инструкция – куда ехать и что делать.

Прочитав при помощи электрического фонарика задание иностранца, Стах облегченно вздохнул – всего-то! А он, грешным делом, думал, что придется идти на «мокрое» дело. Черный Человек хотел, чтобы они ограбили музей, расположенный в монастыре. Он находился на отшибе, километрах в двадцати от поселка, среди лесов.

Стаху приходилось бывать в этом музее. Когда он учился в пятом классе, учитель истории возил их на экскурсию. Ничего интересного. Камни, развалины, мрачные кельи монахов, длинные коридоры, похожие на лабиринт, скрипучие двери...

Разве что рыцарский зал стоил внимания. Там Стах впервые увидел воочию самые настоящие доспехи, шлемы, странной формы стремяна, огромные шпоры с колесиками, мечи, копья, боевые палицы... Они даже сфотографировались на фоне картины, на которой была изображена битва тевтонских рыцарей с дружиной русского князя.

Однако больше всего Стаху понравилась коллекция старинных монет. В основном они были серебряные и медные, но имелись и золотые. Ему очень хотелось подержать монеты в руках, но они были заперты в стеклянной витрине.

Не в силах справиться с желанием, Стах отстал от группы, которую вел экскурсовод, и, выбрав момент, попытался открыть витрину. Но тут откуда-то появилась злая тетка, больно надавала ему по шее и выпроводила из комнаты, где находилась коллекция монет.

Только дома, уже лежа в постели, он неожиданно понял, что хотел не просто подержать монеты в руках, а украсть их...

«Исполнилась мечта идиота...», – невесело ухмыльнувшись, подумал Стах. В этот момент он держал в руках пистолет, который лежал в бардачке машины. Так вот почему Черный Человек спрашивал, умеет ли он обращаться с оружием...

Похоже, дело может быть не таким простым и легким, как ему представлялось.

– Ух ты! – восторженно воскликнул Анджей, увидев пистолет. – «Пушка»! Дай посмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.